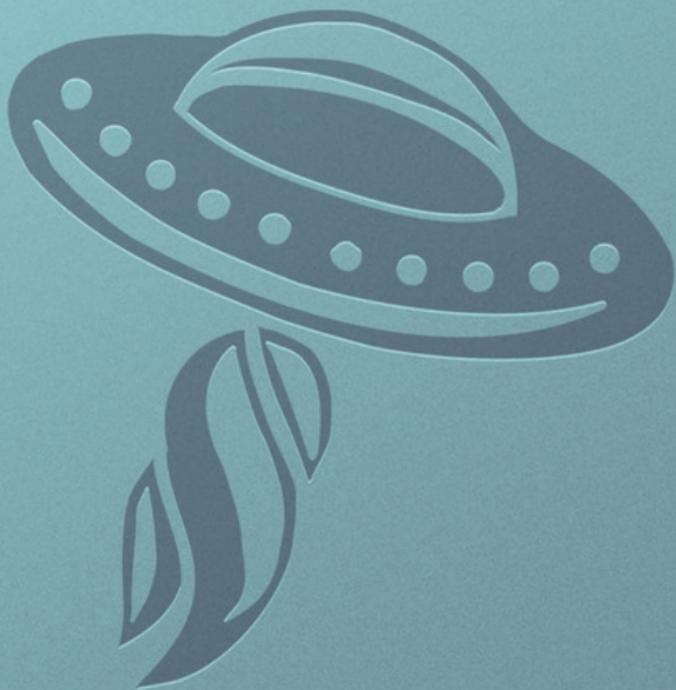

Кир Булычев

Зеркало зла

Часть сборника
Последние драконы (сборник)

Кир Булычев
Зеркало зла
Серия «ИнтерГпол», книга 8

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161366
Последние драконы: Эксмо; Москва; 2006

Аннотация

«Так как визит Второго министра империи Эпидавра и сопровождающего его Лица был совершен втайне, средства массовой информации о прибытии на Землю высоких гостей не сообщали, встреча с ними для Кора была полной неожиданностью.

В тот момент Кора как раз свалилась с доски, на которой неслась, балансируя на сверкающем под утренним солнцем откосе океанского вала, накатывающегося на австралийский пляж неподалеку от города Дарвина...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	54
Глава 3	91
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Кир Булычев

Зеркало зла

Глава 1

Талисманы империи

Так как визит Второго министра империи Эпидавра и сопровождающего его Лица был совершен втайне, средства массовой информации о прибытии на Землю высоких гостей не сообщали, встреча с ними для Кора была полной неожиданностью.

В тот момент Кора как раз свалилась с доски, на которой неслась, балансируя на сверкающем под утренним солнцем откосе океанского вала, накатывающегося на австралийский пляж неподалеку от города Дарвина. Чуть-чуть качнувшись, Кора потеряла равновесие, доска ушла вбок, волна догнала ее пенистым гребнем, подмяла, закрутила, понесла в смеси соленой воды и мелкого песка, и в этот момент в ухе прозвучал голос ее шефа, комиссара Милодара:

– Третий, немедленно на связь!

Будучи агентом дисциплинированным и исполнительным, Кора тут же ответила:

– Слушаюсь, шеф!

Но вместо ответа комиссар услышал лишь бульканье, шум воды, вливающейся в легкие Кора, и страшно смутился, потому что в тот момент Второй министр и сопровождающее его Инкогнито, именуемое Лицом, внимательно слушали, как комиссар вышел на связь с агентом, и могли подумать то, что подумал Милодар: Кора Орват проводит время в веселой, легкомысленной компании и вместо ответа вливает в себя кружку пива или даже бутылку вина.

А Кора, естественно, захлебнулась и даже чуть было не потеряла сознание.

Волна продолжала крутить безвольное тело, а вода вливалась в горло девушки. Ошеломленные посланцы Эпидавра замерли с приоткрытыми ртами, потому что не подозревали, что могут существовать гуманоиды, способные столько выпить за один раз.

– Уволю! – закричал Милодар, забыв, что должен оберегать честь своей фирмы. Но и его терпению мог наступить предел. – Этим все они кончают!

– Простите? – спросило Лицо.

– Все они спиваются, скуриваются, снаркманиваются – нервы, нервишки! Всех заменю роботами!

И как бы в ответ на эту вспышку гнева звуки поглощения влаги прервались.

– Ну вот и слава богу, – сказал тогда Милодар с отвращением, – напилась.

– Вы нам отыщете другого агента? – спросил деловой Вто-

рой министр.

– Разумеется. И куда лучше, чем эта Кора Орват!

Милодар был расстроен. Всегда наступает момент разочарования. Он давно ждал этого момента – разочарования в агенте Коре Орват, лучшем полевом сотруднике ИнтерГпола. Не может так быть – несколько лет сплошных достижений! Тут кто угодно с катушек слетит... «Но, может быть, я суров к ней?»

С этой мыслью Милодар включил картотеку. Веселые, холодные, грустные, мягкие, жестокие лица агентов мелькали на экране, и комиссар одними губами повторял:

– Не пойдет, не пойдет... не пойдет. – Это были славные разведчики, проходимцы, игроки, убийцы, идеалисты, грабители приютов – кто только не попадает в Галактическую полицию, призванную негласно поддерживать порядок на протяжении сотен парсеков! Но второй Кору среди них не было.

Комиссар заметно загрустил.

Его можно было понять. Он и сам переживал нелегкий период в жизни, потому что разводился с Джульеттой. Зачем она так сделала... Зачем?

Милодар незаметно для себя углубился в печальные семейные проблемы и, глядя на экран, на лица своих сотрудников, вместо них видел лицо Джульетты.

Посланцы Эпидавра хранили гордое и обиженное молчание. Прием, оказанный столь высоким лицам, оказался ниже

всяческих ожиданий, и, если бы не крайняя нужда, они бы в прямом смысле хлопнули дверью.

Разумеется, никто в том кабинете уже не думал о судьбе Кору, чуть не погибшей из-за несвоевременного вызова.

Слово «чуть» употреблено здесь не случайно, потому что и на самом деле Кора чудом оказалась жива, потому что у самой кромки воды, там, куда достигали изможденные от борьбы с берегом языки волн, сидел кот Колокольчик, верный друг и любимое животное Кору Орват. От прочих котов Колокольчик отличался не только верностью хозяйке и чрезвычайным умом, но и несвойственной котам безрассудной храбростью.

Колокольчик не выносил, когда Кора каталась на волнах, поминутно рискуя жизнью, но еще более не выносил ситуаций, когда не мог ей толком помочь. Даже кот ростом с ньюфаундленда не может плавать так, как ему бы хотелось, – лапы кота приспособлены для сухопутной жизни.

И тем не менее, судорожно зевнув, что выдавало крайнее волнение, Колокольчик издал боевой вопль, который заставил встрепенуться всех купальщиков и катальщиков на досках и даже разбудил спасателя Джека Макдональда. Издав вопль, котик кинулся к воде и в мгновение ока был ею поглощен.

Тут надо отдать должное спасателю Джеку Макдональду, который, отбросив сон, как фантик от конфетки, в два прыжка оказался у океана. Увидев же движение спасателя и сооб-

разив, что утонула самая популярная среди мужского населения этого пляжа девушка Кора, еще сорок мужчин кинулись в громадные волны...

Через три минуты громадный вал вынес на песок бездыханную Кору, бездыханного котика, оглушенного спасателя и большинство молодых людей. Начался громкий спор, откачивать ли Кору здесь или отвезти в больницу в Дарвин, но, к счастью, поблизости, оказалась медсестра Таня Найтингейл – далекая родственница и наследница той самой Найтингейл. Таня умело сделала искусственное дыхание сначала Коре, потом котика и, наконец, Джеку Макдональду.

Пока она занималась этим, уговаривая остальных спасателей не толпиться и не перекрывать воздух, она услышала, как вживленный в ухо Кору динамик размером с маковую росинку попискивает человеческим голосом:

– Ты уволена за моральное разложение! Ты слышишь или даже слышать не желаешь?

Таня Найтингейл убедилась, что ее пациентка будет жить, наклонилась к ее уху и прошептала:

– Какой идиот мешает мне работать?

Эти слова прозвучали в кабинете Милодара как гром.

– Что? – спросил Милодар.

Ответа не последовало, потому что Таня уже откачивала котика. Но голос Найтингейл помог Милодару сделать вывод:

– Это не она. Это другая.

– А что это означает? – спросило Лицо.

– А это означает, что ей откусили ухо, – ответил Милодар, не вдаваясь в подробности. – Так перепились, что откусили ухо. Теперь ждите.

– Чего ждать? – спросил Второй министр империи.

– Все, кому не лень, будут в это ухо говорить, – пояснил Милодар и стал ждать.

Хотя в глубине души он надеялся, что вся эта история найдет разумное объяснение. И уши Кору – на месте.

К счастью, в ту минуту Милодару и гостям принесли поднос с чайником и бутербродами с красной и черной икрой. А так как нигде во Вселенной красной и черной икры почти нет, то гости на время забыли о скандале, которому были свидетелями.

Гости ели по третьему бутерброду, Милодар печалился, что они уничтожили всю месячную норму гостевых, когда раздался звонок из Австралии.

На экране появилось лицо Кору.

– Я вас слушаю, комиссар, – произнесла она слабым голосом, стараясь не смотреть на обеденный стол, потому что ее мутило от вида пищи.

Кору была бледна, щеки ввалились, волосы еще не успели высохнуть.

– Песок со щеки стряхни, – сказал комиссар.

– Вы меня вызывали? – спросила Кору и, качнувшись, ушла из кадра.

Гости из Эпидавра согласно кивнули, усмотрев в этом алкогольную интоксикацию организма молодой женщины, но опытный взгляд Милодара увидел совсем иное: с Корой что-то случилось.

Об этом и спросил.

Вернувшись на экран, Кора почему-то покраснела, но так как существует правило – агент обязан говорить начальнику правду и только правду, Кора ответила:

– Я утонула.

– Этого еще не хватало! – с облегчением рассердился Милодар. – Почему тебя потянуло тонуть?

– Я на ваш вызов ответила, но в тот момент была...

– Под водой, – догадался Милодар. – Но тебя спасли.

– Спасли.

– А Колокольчик не утонул?

Колокольчика Милодар недолюбливал и все надеялся, что тот попадет под машину или погибнет в драке с большим псом. Но Колокольчик себя берег.

– Его тоже откачали, – сказала Кора.

– Отлично, – сказал Милодар, – теперь слушай меня внимательно. Ты в Австралии?

– Так точно.

– А я на центральном посту, под ледяным щитом Антарктиды. На хорошем флаере до меня минут двадцать лету. Так что одна нога там, другая – тут.

Когда Кора, приведя себя в пути в порядок, вошла в подледный кабинет шефа Земной службы ИнтерГпола, она увидела, что Милодар в кабинете не один.

Вместе с ним находились инопланетяне из Эпидавра, которых Кора узнала по изображениям, хотя не подозревала, что Землю посетили столь высокие гости.

Второй министр Эпидавра был седовласым джентльменом семи с половиной футов ростом, узкоплечим и сутулым. Широкий плащ сиреневого цвета был призван защищать министра от любого вредного действия земных организмов и излучений, с той же целью он, разумеется, никогда не снимал защитного полупрозрачного шлема, который делал его похожим на космонавта двадцатого века, который только что спустился на Луну и теперь, совершая первые шаги по лунной пыли, позирует для потомства.

Несколько отличалось от Второго министра Лицо, которое прибыло на Землю инкогнито, так как всегда и всюду прибывало в таком качестве. Секретность, которой было окружено Лицо на своей планете и во время исполнения особых заданий Совета империи, была столь велика, что Лицо не снимало маски даже дома, перед женой, и рассказывают, что когда позапрошрое Лицо скончалось, то на похоронах его дети отказывались оплакивать отца, а вдова громко ска-

зала: «Если бы я раньше знала».

За исключением лица, скрытого не только шлемом, но и замотанного черной материей, Инкогнито был во всем схож со Вторым министром, правда, уступал ему несколько ростом, но превосходил шириной плеч. Как сотрудник тайной полиции, Кора знала также и тщательно оберегаемый секрет Эпидавра: Второй министр империи был на самом деле ее первым министром, премьером, пожизненным и сменяемым только путем кровавых заговоров. Инкогнито не ведал безопасностью империи, а отвечал за раскрытие и разоблачение заговоров. То есть Кора сразу поняла, что причина, приведшая руководителей империи под ледяной щит Антарктиды, была столь серьезной, что они впервые за последние шестнадцать лет оставили империю без присмотра, поручив управление императору и старенькой регентше.

– Это она? – спросило Лицо после формальных приветствий.

– Это она, – подтвердил Милодар.

Инопланетные гости разглядывали Кору так, словно в жизни им не приходилось встречать обыкновенную земную девушку двадцати с небольшим (двадцать семь, но это не так важно) лет от роду, красивую, ладно скроенную, хоть и узковатую в бедрах (с точки зрения европейского вкуса), ростом всего в сто восемьдесят пять сантиметров, что не позволило ей в свое время сделать карьеру в баскетболе. У этой молодой женщины были светло-русые, почти пшеничные во-

лосы, коротко остриженные, ибо еще не успели отрасти после сложного задания, в ходе которого ей пришлось изображать лысого мужчину, серые, в голубизну, пожалуй, излишне светлые глаза и пухлые губы, мешавшие лицу сохранять постоянную строгость и непреклонность.

– Вы любите пить, находясь под водой? – спросил Второй министр Эпидавра.

– Да, но только соленую воду, – подтвердила Кора.

Посланцы Эпидавра подумали, Милодар не вмешивался. Наконец Лицо сообщило:

– Смешно.

– Я бы не сказал, что очень смешно, – возразил Второй министр. – Однако налицо попытка развеселить нас, пользуясь тем, что мы с вами туповаты и не знаем, что соленая морская вода отличается отвратительным вкусом.

– Видишь, Кора, – сказал Милодар, – а ты старалась.

– Я больше не буду, – дала обещание Кора.

– Тогда садись и выслушай нашу проблему, – сказал Милодар.

Он так и не представил гостей Коре, потому что они были столь важными персонами, что не могли при всем желании снизойти до знакомства с простым агентом, а Кора, разумеется, этого знакомства не навязывала.

Она понимала, что проблема достаточно серьезна, если Милодар из-за нее чуть не утопил своего лучшего агента, к тому же он знал, насколько Коре противно, если ее вызыва-

ют на задание в выходной день. Служба есть служба... Но с недавних пор Милодар женщин побаивался.

– Наши друзья прибыли к нам издалека, – сообщил Милодар. Гости согласно наклонили головы. У министра сквозь темную муть шлема угадывались пышные бакенбарды, у Лица не угадывалось ничего. – Наши друзья ищут потерянную на Земле вещь... так сказать, предмет государственного значения. Мы с тобой им обязаны помочь. Это личная просьба Ксении Михайловны. Она просила задействовать именно тебя.

Ксения Михайловна Романова, безвредная на вид бабушка, была шефом Службы безопасности Земли. Коре она давно симпатизировала.

По тону Милодара Кора поняла, что ее шеф лжет. Ксения Михайловна, если и говорила о визите с Эпидавра, никогда не стала бы давать комиссару советы. Она была разведчицей старой школы. Но комиссару сейчас было выгодно изобразить себя передаточной инстанцией и притом набить цену Коре. Вернее всего, других агентов он берег для своих дел. А Корой всегда можно пожертвовать. «И если он сейчас будет меня излишне расхваливать, – подумала Кора, – считай, что я влипла».

– Несмотря на молодость, – произнес Милодар, постаравшись без успеха пригладить копну завитых, тугих, как проволока, волос. – Несмотря на видимость...

«Какая у меня видимость? – подумала Кора. – Это что, у

меня есть видимость?»

– Кора Орват – один из лучших полевых агентов.

Гости с Эпидавра согласились, дружно кивнули, а затем Второй министр вежливо спросил:

– Не все ли равно в настоящей ситуации, хороший она агент или посредственный?

– Нет! – отрезал Милодар. – Посредственный агент загубит операцию.

Кора молчала. Она понимала, что, независимо от ее желаний и слов, ей все равно придется работать. Разумеется, она предпочла бы узнать обо всем как можно скорее и предпочла бы работать в Швейцарии или на Кипре, но, в конце концов, и в Эпидавр можно слетать.

– Продолжайте, комиссар, – сказал Второй министр. – Объясните вашему хорошему агенту, который неумеренно пьет соленую воду, в чем суть нашей проблемы.

«Я ему совсем не понравилась, – подумала Кора. – В сущности, он мне тоже не нравится, но любой женщине неприятно это сознавать».

– Империя Эпидавр, – начал Милодар, – расположенная на Южном полушарии планеты Цукех...

– Это означает Прекрасная на нашем языке, – добавило Лицо. Странно было слышать голос, исходивший из абсолютно черного сверкающего шара размером с крупный арбуз.

– Империя Эпидавр существует уже несколько столетий, –

сказал Милодар.

– Девятьсот сорок восемь лет назад, – добавил Второй министр, – князь Совпарий Шестой сокрушил могущество четырех племен и вышел к Тростниковому морю.

– Спасибо, – сказал Милодар. – Но я хотел бы, не обижая вас, заметить, что со спецификой жизни на Эпидавре агент Орват может ознакомиться на досуге...

– Досуга у нее, надеюсь, не будет, – все же обиделся Второй министр.

Лицо махнуло длиннющей рукой, повелевая продолжать.

– Триста лет назад в пределах империи произошла революция, – подчинился комиссар.

– Точнее – мятеж! – не выдержал министр. – Обыкновенный мятеж, не более того.

– И мятежники взяли верх.

– Временно! – сказал Второй министр.

– Простите, может быть, вы сами расскажете? – спросил Милодар.

И тогда Лицо обрушилось на своего спутника на непонятном языке. Хоть и непонятно, но явно обрушилось. Широкая лингвистическая подготовка Кору, которая уже в приюте выучила восемь языков и еще сорок освоила за годы работы в ИнтерГполе, позволила ей определить, что примерно половина слов Лица имеет бранный характер. Милодар это тоже понял и получал удовольствие, слушая, как собачатся эти надутые вельможи.

Наконец выговор завершился, Второй министр устался в пол между своих коленок, высунувшихся из-под плаща, а удовлетворенное Лицо замерло, очевидно, обратив взор к Милодару.

Сделав многозначительную паузу, Милодар продолжал:

– Мятежники захватили дворец императора и продержались там несколько дней, пока к императорским войскам не подошло подкрепление. Но за это время они успели нанести ощутимый вред. Во-первых, они зарезали императора и его ближайших родственников...

Второй министр заерзал в кресле, намереваясь ринуться в бой, но Лицо шумно втянуло воздух сквозь широкие ноздри, и Второй министр осекся. Кора запомнила, что втягивание воздуха в Эпидавре считается угрозой. Может, когда-нибудь пригодится.

– Во-вторых, – продолжал Милодар, будто ничего вокруг не происходило, – они ограбили дворец и похитили три сокровища. Три символа императорской власти, без которых император – не император, а так, пфью... ничто!

– Ну уж тут позвольте! – не выдержало само Лицо. – Пожалуй, вы перегибаете палку. Я позволил вам пересказать ситуацию исполнителю не для того, чтобы вы оскорбляли священную особу.

– Но ведь нет теперь особы!

– Временно.

– Триста лет, как их империей правят регентши. – Мило-

дар обращался только к Коре. – Потому что они даже не могут провести коронации.

– Три сокровища... – произнесла Кора. – Где-то я об этом читала.

– Ты читала об этом в истории Японии, – ответил Милодар. – Но я могу привести тебе еще несколько исторических примеров из истории Земли. По преданию, эти предметы были вручены первому правителю Эпидавра богиней... простите, как звали богиню?

– Богиней Света и Страха Юоог, – ответило Лицо. Второй министр все еще хранил обиженное молчание.

– Вот именно, – сказал Милодар, будто всю жизнь помнил о богине, а только сейчас запамятовал. – Богиня Юоог при драматических обстоятельствах вручила первому императору Зеркало, Алмаз и Венец.

– Неточно, – поморщилось Лицо. – Необходимо уточнение.

– Пожалуйста.

– Она передала императору, который был всего-навсего пастухом единорогов, Зеркало Зла, Перстень Угрозы и Венец Власти.

– Чудесно, – сказал Милодар. – Какой оптимистический набор.

– И необходимый, – не уловил сарказма Второй министр.

– И с тех пор вы их не нашли? – спросила Кора, потому что ей показалось, что от нее ждут умного вопроса.

– Разумеется. Иначе трагедия не застлала бы столь долго небо нашей империи.

– И заменить нельзя?

– Не говорите глупостей! – воскликнул Второй министр, а Лицо, снова втянув воздух через ноздри, поправило спутника:

– Заменить святыни, к сожалению, нельзя. Иначе они бы не были божественными святынями.

Все замолчали. Кора поняла, что подошла пора Милодару закончить рассказ.

– Недавно на мертвом астероиде, лежащем в стороне от коммерческих трасс, были найдены следы последнего лагеря мятежников.

– Они улетели от вас? Разве тогда уже были космические путешествия?

– У нас очень древняя цивилизация, – пояснило Лицо. – Вам не понять.

– Нам не понять, – покорным эхом отозвался Милодар. И Кора перехватила его невысказанную мысль: «Но за помощью вы прибежали к нам».

– Говорите, – предложило Лицо.

– В лагере, или на базе, этих самых мятежников были найдены документы, которые свидетельствовали о долгих путешествиях мятежников по Галактике, о расколе в их рядах, о их постепенной гибели. Там в ходе раскопок удалось узнать о приблизительном местонахождении имперских сокровищ.

И стало ясно, что Зеркало Зла утеряно на Земле во время раздоров между мятежниками. Судьба остальных сокровищ неизвестна.

Опять наступила пауза, и Кора не нашла ничего лучше, как спросить:

– А что, зеркало большое?

Лицо подало знак Второму министру, и тот поспешил раскрыть плоский чемоданчик, который, как оказалось, был прикреплен к его кисти длинной золотой цепочкой. Краем глаза Кора заглянула в чемодан, который был приоткрыт и тут же захлопнут. В чемодане лежали бумаги, фотографии, а также две зубные щетки в прозрачных футлярах, расчески, паста и полотенце. Гости не надеялись на своих земных хозяев.

Второй министр положил перед Милодаром на стол цветную фотографию – на ней было изображено зеркало. С такими зеркалами в сказках изображаются девицы. Изобретены они были, видно, в Древнем Китае или в не менее Древней Греции и более всего, с точки зрения Кору, были схожи с пинг-понговой ракеткой, лишь уступали ей размером. Овальное зеркало было вставлено в позолоченную рамку, судя по потертостям, достаточно старую, а обод зеркала и ручка были богато, хоть и грубовато украшены объемными изображениями танцующих девушек среди виноградных роз.

– Это вид с лицевой стороны, натуральный размер, – про-

изнес Второй министр. – Вот оно же, вид сзади. А это приблизительное положение его в руке владельца.

На этот раз на стол легла старинная раскрашенная гравюра, изображавшая молодого человека в тонком темном венце, в который были вставлены крупные разноцветные камни. Держа в руке зеркало, молодой человек смотрел в него, и на его лице отражался ужас. По крайней мере так получилось у художника.

– Теперь вам ясно, что искать? – спросило Лицо.

Министр собрал фотографии и рисунок, приоткрыл чемодан и спрятал все среди бумаг под полотенце.

– Вы нам это не оставите? – спросил Милодар.

– Нет, – ответил Второй министр. – Изображения государственных талисманов являются объектами повышенной секретности.

– Вы усложняете нам задачу, – сказал Милодар, но настаивать не стал, потому что, как Коре было известно, на потолке над столом находилась видеокамера, которая давно уже сделала копии фотографий и гравюры.

Эпидавряне не возражали. Они не знали, оскорбительно ли сравнение с пинг-понговой ракеткой, и потому предпочли помолчать.

– И вы за ним прилетели? – спросила Кора.

– Вот именно.

– А зачем я вам понадобилась?

– Чтобы это зеркало найти, – сказал Милодар, – наши го-

сти лишь приблизительно представляют себе, где оно могло потеряться...

– Пошлите туда группу, пускай отыщет с приборами, – сказала Кора.

– Прошло триста лет! Место известно лишь условно... – Милодар подошел к большому глобусу. Глобус был старинный, прошлого века и, говорят, принадлежал кому-то из латиноамериканских диктаторов. Шар доставал Милодару до носа, и потому, чтобы разглядеть Северный полюс, комиссару приходилось запрокидывать голову. Вертелся глобус со скрипом.

Милодар чуть шевельнул глобус, чтобы Коре было удобнее смотреть, и шлепнул ладонью по северной части Индийского океана.

– Оно на дне? – спросила Кора.

– Нет, на суше, в горах. В северной Бирме.

– И найти нельзя?

– Надо обыскать площадь в шесть тысяч квадратных километров гор и лесов и найти кончик иголки в стогу сена.

– И что вы предлагаете?

– Я предлагаю тебе поехать в Бирму и найти зеркало.

– Ну что ж, – легкомысленно ответила Кора. – Я в Бирме не была. Когда лететь?

– Ты не совсем правильно поняла, – сказал Милодар. – Ты должна отправиться в Бирму не сегодня, а триста лет назад, в тот момент, когда там воевали мятежники. Ты их отыщешь

по шуму боя и крикам населения.

– Чепуха, – сказала Кора. – Такой машины времени еще не изобрели. Можно отправить человека на десяток лет в прошлое, но не дальше.

– На двенадцать лет, это пока рекорд, – согласился Милодар. – Но у меня есть другая идея. Она еще не испытывалась на людях, но когда-то надо начинать.

– Опасная? – спросила Кора.

– Еще какая опасная, – сказал Милодар. – Как раз по тебе.

– Нет, спасибо, – сказала Кора.

– У тебя нет семьи.

– У меня есть кот Колокольчик и бабушка Настя. Я их не оставлю.

– Но есть шанс, что ты вернешься.

– Лучше я и слушать не буду. Вы же меня обязательно загубите!

– Девушка, послушайте нас, – сказала Лицо из Эпидавра. – Уже три столетия наше государство живет не в полную мощь. У нас нет коронованных императоров, и страной правят регентши, одна другой глупее. Сейчас же подрос интеллигентный, умный, добросовестный наследник престола. Если мы достанем хотя бы Зеркало, мы попытаемся короновать, и миллионы людей вздохнут свободно.

Кора сочувствовала горю вельмож, хотя не понимала, будучи демократкой, почему появление на троне императора должно облегчить жизнь миллионов людей.

– Нет, – сказала она.

– Вы обязаны нам помочь, – сказал Лицо.

– Поможет, – сказал Милодар. – Обязательно поможет. У меня дисциплинированные агенты. Я разрешаю им побунтовать и поворчать в разумных пределах, а потом приказываю замолчать. Кора, молчать!

– Слушаюсь, – вздохнула Кора.

* * *

Разговор продолжался в Институте номер шесть, крайне засекреченном учреждении, которое занимается генетическими опытами и достигло таких сенсационных результатов, что, по слухам, всем его сотрудникам отрезали языки и приковали их цепями к рабочим местам в лабораториях. Все это, разумеется, чепуха и сплетни, а институт охраняется столь тщательно только от чайников, сумасшедших и авантюристов, а также людей с манией величия, которые могут проникнуть в Институт номер шесть и воспользоваться его установками, и особенно установкой Дельта.

Так как, несмотря на глубокую секретность, установка Дельта многократно описывалась, только не совсем верно, в популярных изданиях, то лучше довериться рассказу о ней, прозвучавшему в Институте номер шесть.

Вот что рассказала, пользуясь притом иллюстрациями, стремительная худенькая девица с таким острым носом, что

Коре страшновато было приблизиться к ней – а вдруг уколёт. По сторонам носа размещались маленькие черные глазки, а волосы девицы были покрашены в красный цвет и покрыты блестками.

– Я сегодня собралась на дискотеку, – сообщила девица. – Так что давайте сократим лекцию до минимума.

Возмущенный Милодар потребовал было сменить лектора, но более ответственные лица находились в то время на заключительном заседании международного симпозиума, и пришлось удовлетвориться девицей.

Девица взяла светящуюся указку, велела гостям садиться на неудобные табуретки, а сама поднялась на небольшую эстраду, фоном которой служила зеленая доска, исписанная формулами и разными словами, оставшимися от вчерашних научных споров.

– Помимо памяти индивидуальной, – сообщила девица, – существует память вида. Вы знаете, что такое вид?

– Вопросы задавать будем мы, – резко ответил Милодар, все еще недовольный тем, что ему приходится выслушивать лекцию лаборантки.

Заявление Милодара лаборантку не смутило.

– Вы мало читаете, – сообщила она Милодару. – Иначе бы вы знали, что в любом фантастическом романе приходит великий ученый или его ассистент и рассказывает дуракам, которые собрались в лаборатории, в чем суть изобретения. Дураки хлопают глазами, а читатель умирает от скуки на де-

сятой странице.

Кора даже ахнула от такой наглости лаборантки, но Милодар ничего не ответил, он лишь приоткрыл рот и смотрел на лаборантку, словно только сейчас сообразил, что под этим камуфляжем скрывается юное существо с отличной фигурой. Зато посланцы Эпидавра были повергнуты оземь таким хамством, потому что положение женщины в той империи своеобразно и ограничено таким числом запретов и правил, что большинство женщин кончают с собой, не достигнув зрелости. Зато те, кто выживает, превращаются в существа высшего типа, в частности, именно из них формируется корпус регентш.

– Продолжайте, – произнес Милодар, скользя взглядом от пяток до затылка лаборантки. – И сообщите нам свое имя.

– Зовут меня Пегги, – сообщила девица. – Мне двадцать два года, но я отлично сохранилась, и мне редко дают больше семнадцати, я давно уже не девушка, учусь в аспирантуре, любимая ученица профессора Гродно.

– Спасибо, – сказал Милодар. – Умоляю, продолжайте.

«Когда-нибудь я тоже начну тебе хамить, старый бабник, – подумала Кора. – Тогда ты у меня запляшешь».

– Существует память вида, – продолжала Пегги. – Обычно поддерживается она прямым обучением от родителей к детям. Приходилось ли вам видеть, как кошка учит котят ловить мышку?

В голосе девушки прозвучал металл. Кто-то из учеников

должен был поднять руку и ответить на вопрос.

Никто не решился.

– Это поучительное зрелище, – сообщила Пегги. – Точно так же кошку учила ее мать.

Лаборантка тронула себя за ухо, и по красным космам пробежали золотые огоньки. Зрелище было внушительное. Хотелось убежать.

– Кошка, как примитивное существо, учит детей жить в меняющемся мире, передавая им свой опыт. Причем не только генетический, но и благоприобретенный. Ведь червяк не учит – ему достаточно того, что заложено в генах. А кошка учит. Поняли?

«Она будет профессором, – подумала Кора. – Перебесится и профессором станет».

– Котенок, – строго продолжала лаборантка, ритмично помахивая светящейся указкой, – получает от матери часть памяти данного семейства кошек, а так как сама мама-кошка была обучена ее собственной матерью, то мы при возможности можем проследить, что знали и умели кошки этого семейства, а то и популяции нашей страны и как эти знания накапливались... или терялись. Да! – Вдруг девицу охватил пафос. – Кое-что теряется! И безвозвратно. Например, с приходом медицины люди забыли о травах. Что касается и кошек!

– Ну уж и кошек! – недоверчиво воскликнул Милодар.

– Пустите современного котенка, а то и взрослого кота в

лес. Он сожрет какую-нибудь гадость и отравится. Ведь он жил в городе, и даже если его мама-кошка знала, какую траву можно есть, а какую нет, она не может найти в комнате образца нужной травы и показать ребенку.

Слушатели замолчали, переваривая информацию.

Кора была согласна – кошке неоткуда взять травку, чтобы предупредить детей об опасности отравиться.

– То же самое происходит и с человеком. На то есть учителя и родители, на то изобрели книги, видео и компьютеры, чтобы не утратить информацию, добытую предками. Но информация – это еще не память!

Пегги подняла к потолку указку и вытянула луч на максимальную длину. Луч коснулся потолка и образовал на нем темную точку, настолько ему переданся накал души преподавательницы. Из ее красных волос сыпались редкие искры. Падая на ковер, они тихонько шипели.

– Вам не казалось обидным, – спросила она, – что вот ваш дедушка, генерал, завоевавший четыре страны, погиб в бою на безымянной высоте, названной впоследствии его именем, но не успел ничего вам рассказать? – Этот вопрос Пегги обратила к Лицу.

– Вы откуда знаете? – глухо и подозрительно спросило Лицо.

Пегги только пожала плечами, а Милодар, может и незаслуженно, воспользовался обстановкой и заметил:

– Мы многое знаем.

Пегги подождала, пока он замолчит, и продолжала:

– А как интересно было бы заглянуть в его память, в его душу...

Пегги вздохнула. Лицо не удержалось и тоже вздохнуло.

– А ваш прадедушка? – спросила Пегги у Лица. – Ведь его только называли разбойником с большой дороги. На самом же деле он был куда сложнее, чем тот простой злодей, которого рисовали ваши недруги.

– И поплатились, – заметило Лицо.

– Это уже другой разговор, – сказала Пегги.

Кора смотрела на лаборантку совсем другими глазами. Та, оказывается, успела подготовиться к визиту и неплохо выучила урок. А все разговоры о дискотеке и красные космы – это на публику.

Пегги сделала паузу. Теперь уже никто не смел ее прервать.

– Наш институт во главе с профессором Ахметом Гродно решил эту задачу. Но мы пока держим наше открытие в тайне. Нельзя же нарушать естественный ход событий.

– Что вы открыли? – спросило Лицо.

– Мы нашли способ проникать в прошлое. Но не грубым физическим способом, не с помощью машины времени, что не дает достойных результатов. Ну прыгнете вы на двадцать лет в прошлое. Ну посмотрите еще раз на собственную маму в молодости. А дальше что? Менять течение событий на Земле? Загонять себя и собственную планету в параллель-

ный мир? Нет, дайте нам пожить у себя дома!

– Так что же вы открыли?

– Мы открыли возможность... мы нашли ключик к тому, что заключено в каждом человеке, – ключик к его наследственной памяти. Другими словами, мы дали возможность маме-кошке вспомнить, какие травки можно предлагать котенку, а какие нельзя. Но помнила об этом прабабушка нашей кошки, а не мама-кошка. Мы нашли способ отыскать в вас, уважаемый Долиал, глава безопасности империи Эпидавра, прибывший к нам инкогнито, те следы генетического прошлого, которые несут в себе и берегут память вашего дедушки-генерала и даже вашего прадедушки, так называемого разбойника с большой дороги.

– Об этом не будем, – предупредил Второй министр, оберегая честь Лица. Но Лицо лишь вяло отмахнулось, признавая превосходство нахальной девицы.

– Мы полагаем, – сказал тогда Милодар, – что это – величайшее открытие двадцать первого века, но вопрос о присуждении Нобелевской премии профессору Ахмету Гродно временно отложен, так как не решена степень секретности открытия.

– Но при чем секретность? – не сообразил Второй министр.

– Неужели, – ответил Милодар, – любой человек в Галактике не пожелает заглянуть в память своего деда, своего далекого предка, прочесть его мысли и овладеть его знаниями,

которые, как все полагают, сгнили в могиле вместе с ним?

– Да, – согласилось Лицо, – соблазн очень велик, и можно страшно разбогатеть на этом.

– Ах, что нам в богатстве! Но вы не поняли еще, какую власть мы сможем обрести над миром! – воскликнула Пегги, спрыгнув с эстрады и чуть не проткнув министра острым, словно деревянным носом. – Разве вы забыли, сколько гениев умерли, не успев поделиться с человечеством своими мыслями, сколько великих изобретений погибло при катастрофах, в концлагерях или войнах! Вы должны знать, что на каждое изобретение, на каждое открытие, на каждую гениальную идею в мире была тысяча идей, открытий, мыслей, которые по той или иной причине не были высказаны. Неужели вы не понимаете, что, собрав и осуществив эти мысли, мы совершим такой скачок вперед...

Пегги закашлялась, а Милодар закончил за нее:

– И это может плохо кончиться для человечества. Кто знает, сколько нужно нам гениальных изобретений и мыслей, а сколько окажутся лишними? А что, если Природа бережет нас от перегрева? А что, если цивилизация лопнет от излишнего знания?

И Милодар произнес эти слова с такой искренней горечью, что все остальные не посмели ничего сказать – все молчали.

– К тому же, – нарушила наконец молчание Пегги, – операция эта длительная, сложная, и опасная, о которых го-

ворит комиссар Милодар, находятся в отдаленном будущем. А Нобелевскую премию нам не дают из-за жалких интриг, которых не чужд и ИнтерГпол.

Все посмотрели на Милодара. Он отмахнулся от обвинения, как от мухи, и миролюбиво попросил Пегги:

– Расскажите нашим гостям, как происходит активизация памяти предков. И какая от этого может быть польза в их поисках.

– Вот именно, – сказала Лицо. – Именно этот вопрос я хотел задать.

– Наш профессионализм заключается в том, – подытожил Милодар, – что мы знаем, какой вопрос, когда и кому задать.

– Тогда и объясните нам, – попросил Второй министр, – зачем нас сюда пригласили.

– И, в частности, зачем было нужно меня топить, – добавила Кора.

Пегги поглядела на Милодара, комиссар кивнул, и девушка повела их в соседнее помещение.

* * *

Соседнее помещение оказалось громадным, но низким залом, в котором располагалась аппаратура, в основном скрытая под кожухами и за экранами. Так что снаружи оставались ящики, дисплеи и некоторое число кнопок, не считая солидного прозрачного гроба для Спящей Красавицы, к которому

Пегги и подвела гостей.

– Все происходит просто, – сообщила она. – Гененавт всего-навсего ложится в саркофаг.

– Разве нельзя было подобрать нейтральное слово? – спросила Кора, которая заподозрила, что в саркофаг будут класть именно ее, а она не терпела, если ее клали в саркофаг, даже если при этом обзывали гененавтом.

– Не бойтесь, – съязвила Пегги, – принцы не будут при- ставать к вам с поцелуями.

– Слава богу!

– Девочки, девочки! – остановил их Милодар. – Мы при- сутствуем при эпохальном эксперименте.

– Это вы присутствуете, а я лежу в саркофаге! – втуне огрызнулась Кора.

– Продолжайте, – произнес Второй министр голосом и то- ном Милодара.

– Саркофаг наполняется особым газом...

– Еще чего не хватало! – вырвалось у Кору.

– Если ты будешь шуметь, мы подберем другого агента, – сказал Милодар. – Ты отказываешься от самого счастливого шанса в жизни. Через час ты можешь встретиться со своей бабушкой.

– Больше того! – поддержала Милодара краснокудрая ла- борантка. – Вы станете своей бабушкой – ваш мозг сольется с ее мозгом. В этом и есть смысл нашей установки! Следуя в прошлое, вы будете становиться как бы паразитом мозга ва-

ших предков. Ведь они в самом деле живы в вас! Каждый бит информации, который находился в мозгу вашего дедушки, живет и в вашем мозгу. Мы научились будить эту информацию.

– Но почему я тогда не могу без приборов помнить о том, что знал мой дед?

– Да потому, что ваш мозг мгновенно лопнет, не в силах вместить всю ожившую информацию! Неужели вы не понимаете?! – Пегги была возмущена.

– Теперь поняла.

– Ваш мозг защищен от безумия именно забывчивостью. То есть ничто в природе не пропадает, но все забывается, чтобы живые не сходили с ума от памяти и страданий мертвецов.

Оба эпидаврийца захлопали в ладоши – так им понравилась краткая речь Пегги. Девушка зарделась, и щеки ее стали одного цвета с волосами.

– Зайдите после эксперимента ко мне, – сказал Милодар. – Мы подыщем вам место в ИнтерГполе.

– Я не хочу работать в ИнтерГполе и стать полицейской ищейкой, – мягко возразила девица, чем повергла Милодара в шок. – Лучше я получу скромный процент от Нобелевской премии.

Милодар молчал и этим дал возможность Пегги закончить объяснение:

– Мы погружаем вас в физиологический раствор, чтобы

полностью отрезать от мира, чтобы ни одно постороннее возмущение к вам не проникло. Это слишком опасно. В полной тишине, в полной оторванности от мира вы сначала войдете в мозг своей матери...

– Или отца?

– Это сложнее, – призналась Пегги. – Как правило, генетическая память женщин передается по женской линии, мужчин – по мужской.

– А если линия обрывается?

– Пока мы не можем помочь... но в будущем добьемся восстановления через боковые линии родственников.

– Не отвлекайтесь, – попросило Лицо.

– Пока вы будете пребывать в саркофаге, – продолжала Пегги, – и частицы памяти вашей матери будут пробуждаться в вас, мы сможем контролировать этот процесс приборами.

– Вы тоже увидите мою маму?

– Нет, но мы будем знать, когда вы с ней находитесь в контакте.

Кора подняла ладонь, как бы спрашивая слова.

– Кажется, я вас поймала на ошибке.

– Нас нельзя поймать. Эта система испытана и абсолютно безопасна для испытуемого. Для спящей красавицы, как мы называем... вас.

– Но я же не могу пролежать в саркофаге восемьдесят лет, если столько лет было моей прабабушке, когда она умерла.

Пегги снисходительно улыбнулась.

– Мы уже слышали это возражение, – сказала она. – И вот что я вам отвечу: представьте себе самый обычный древний магнитофон.

– Представили, – ответил за Кору Второй министр.

– Вы можете воспроизводить на нем музыку. А можете быстро перематывать пленку.

– Все понятно, – сказала Кора. – Вы начинаете воспроизведение в нужный вам момент.

– Не совсем понятен механизм действия, – сказала Лицо, – но приходится согласиться с тем, что нам сообщено.

Они стояли полукругом вокруг саркофага. И молчали. Теперь, когда Пегги все объяснила, а остальные почти все поняли, оставался пустяк. Поверить в слова Пегги.

Молчание прервало Лицо:

– Можно ли наблюдать за жизнью и действиями предка кого-то из нас?

– За ним наблюдает гененавт. А мы – за гененавтом. – Пегги показала на саркофаг.

– Я не верю, – сказала Лицо.

– Мы не верим! – поддержал его Второй министр.

– Есть выход, – ответил Милодар, и глаза у него сделались хитрыми, как у кота, который играет с мышонком.

– Какой именно?

– Вы можете занять место в саркофаге, а мы запишем то, что вы увидите и почувствуете, – предложил комиссар. – И

вместе подведем итоги.

– Хорошая идея, – сказала Лицо. – Славная идея. Прошу!
Последнее слово относилось ко Второму министру.

– Почему я? – удивился министр.

– Потому что, если они будут подсовывать мне воспоминания дедушки комиссара Милодара, я никогда не смогу проверить, это правда или инсценировка. А вот кем был ваш дедушка, я знаю. И кем были ваши предки, тоже известно.

– Мой отец – генерал, а мой дедушка – полковник и герой! – воскликнул министр, словно не был в том уверен.

– Вот мы и посмотрим.

– О нет! Это опасно для жизни! – возразил Второй министр. – Мы не можем мною рисковать. Народ этого не поймет.

– У нас даже младшие научные, даже аспиранты уже испробовали, – сказала Пегги.

– У вас другие организмы. Грубые и выносливые, как у кошек.

– У кого как, – ответил Милодар. Он любил наблюдать конфликты со стороны, когда ему это ничем не угрожало.

– Нет! – крикнул министр.

– Да! – ответило Лицо. – Или вы останетесь здесь. Но не живым.

И тогда Второй министр сдался.

– Раздеваться надо? – спросил он.

– Желательно побрить голову, – ответила Пегги. – Но,

так как путешествие будет небольшим, помехи нам не так страшны.

– Не страшны, – согласилось Лицо.

– Только ботинки пускай снимет, – предупредила Пегги, – а то за каждым не настираешься.

* * *

Второй министр покорно улегся в саркофаг. Ему велели закрыть глаза. Лежа, он как-то уменьшился ростом, но согласился снять шлем, только когда крышка саркофага под нажимом тонких пальцев Пегги въехала на место, отрезав сановника от внешнего мира. Именно тогда он снял шлем, положил темный блестящий шар рядом с собой, и Кора увидела, какие у него загнанные, перепуганные глаза. Она испытала нечто вроде злорадства: не ей одной предстоит такое унижение... Впрочем, полезно посмотреть со стороны на испытание, которому тебя намерены подвергнуть, хотя, честно признаться, Кора так и не понимала, как она, полежав в этом саркофаге, сможет отыскать и вернуть в Эпидавр Зеркало Зла.

– Эй-хо-хо! Кто здесь проводит опасные эксперименты в мое отсутствие? – послышался громовой голос. Все замерли, как застигнутые за воровством яблок сорванцы.

– Это я, – пискнула Пегги, – но ведь это только демонстрация.

– Я взял на себя ответственность, – сказал Милодар маленькому, даже ему лишь по пояс профессору в белом халате, из-под которого выглядывали сапожки на высоких каблуках. Профессор был к тому же почти лыс и зачесал последние волосинки поперек головы. Нос у него был круглым, как картошка, и в нескольких местах продырявлен.

– Профессор Ахмет Гродно, – представился он, а Кора догадалась, что раны в носу – следы любовного общения с лаборанткой Пегги. – Тебе можно, крошка, тебе можно! – Профессор подбежал к аспирантке и, встав на цыпочки, поцеловал ее в высокую грудь. Остальные смутились и сделали вид, что не заметили откровенного жеста профессора. – Так что мы демонстрируем? – спросил профессор.

В лаборатории уже появились несколько его коллег. Они громко обсуждали проблемы только что закончившегося симпозиума.

– Не мешайте! – прикрикнул на них профессор. Он встал на цыпочки, чтобы лучше заглянуть в саркофаг, и спросил: – Из Эпидавра? Типичное вырождение!

– Из Эпидавра, – сказал Милодар. – После окончания я с вами уединюсь и все объясню.

– Я предпочитаю, чтобы мне все объяснила Пегги, – возразил профессор. – Я ее больше люблю, чем тебя, старый козел Милодар.

Профессор засмеялся и постучал пальчиком по стеклу саркофага.

– Как ты там, сорванец? – спросил он.

Второй министр не услышал, но робко улыбнулся.

– Пускай газ! – приказал профессор Пегги, и саркофаг стал заполняться серым непрозрачным газом.

– А как же наблюдать? – спросила Кора.

– А мониторы на что? – удивился профессор. И приказал:
– Включить большой дисплей!

Тут же загорелась вся стена лаборатории, представлявшая дисплей.

– Вот здесь, – сказала Пегги, направляя на стенку светящуюся указку, – мы увидим то, что делал, видел или совершал предок Второго министра в тот или иной момент...

– В какой момент? – спросил профессор Гродно у Лица.

– Ровно сто лет назад, – ответил тот, словно уже заготовил ответ заранее.

– Даем сто лет назад! – Профессор Гродно провел ладонью поперек головы, прижимая волосы.

– Мой ласковый, – любовно прошептала ему Пегги.

На экране началось мелькание цветных линий и неясных образов.

– Не обращайтесь внимания, – сказал Гродно Лицу и Милодару. – Идет ускоренная перемотка воспоминаний его папы и дедушки.

Профессор погладил бедро Пегги, и та прижалась им к уху гения.

Профессор притом не спускал глаз с приборов пульта.

– Что там? – спросил он у одного из ассистентов.

– Есть сто лет.

И на экране загремел бой!

Звук, правда, проходил через сто лет неровно, с перебоями, да и само изображение иногда двоилось или шло косыми полосами. На мгновение свет отключался и начинал таинственно мерцать.

– Сложная штука – человеческий мозг! – воскликнул профессор, видно, объясняя неполадки в изображении.

Так как экран был велик и несколько нависал над залом, то эффект присутствия был ощутим всеми присутствующими. И когда небольшой полосатый броневик, преследуя группу всадников, вооруженных карабинами и мечами, попытался выехать с экрана в зал, послышалось общее «Ах!», перепуганное зрение оказалось сильнее разума.

Всадники умчались и скрылись в дыму, который, как показалось Коре, горько пахнул порохом. Тут она увидела прихрамывающего воина в блестящей кирасе, разрисованной драконами, в плоском, как сковорода, шлеме, с пистолетом в руке. Сапоги и штаны воина были измараны грязью и кровью.

– Это он, – сказала Лицо, увидев воина в профиль, – у того был такой же, как у Второго министра, горбатый и крючковатый нос.

– В битве при Варынге. Конечно же... с восьмого по десятое фецуария сто лет назад... Как славно!

Что было славного в битве при Варынге, Кора так и не узнала. Но тут дедушка Второго министра направился в сторону, а так как камеры следили за тем, что отпечаталось в генетической памяти вельможи, то вскоре воин оказался в низине, где его ждали два человека в сапогах и в серых плащах с капюшонами, нависавшими над лицами.

– Мы уже хотели уезжать, предводитель, – произнес один из ожидавших.

– Я не мог. Я задержался в штабе. Надо было все проверить.

– И что же?

– Как и договаривались, я перенес крестик на схеме в болото Больших Червяков.

– Славно, ах, славно, полковник! – откликнулся человек в плаще.

Кора кинула взгляд на Лицо. Глава Эпидавра смотрел на экран, будто перед ним разворачивалось действие приключенческого фильма, построенного на сказочной выдумке.

– Не может быть... не может быть, – шептали его тонкие губы. Конечно же, Кора еще не знала языка Эпидавра, но, что шепчут мужские губы, умела понимать без знания соответствующего языка.

Отойдя в сторону, люди в капюшонах обнаружили стоявшую за ними и запряженную карликовым дромадером крытую повозку. Один из них щелкнул языком, и верблюд легко потянул повозку по низине.

– Фактически два шага... – сказал дедушка Второго министра.

– Может быть, мы кончим демонстрацию? – спросил профессор Гродно. – Надеюсь, вам достаточно ясно, как мы работаем?

– Нет! – вдруг закричало Лицо. – Ни в коем случае! Еще пять минут!

Повозка тащилась по тропинке, сильный дождь со снегом молотил по плечам путников, где-то близко гремел бой, слышались выстрелы и крики, из серой мглы вдруг показались корзина и часть обшивки воздушного шара, который бесшумным видением промчался над повозкой и с треском рухнул в кусты.

– А нельзя перемотать? – спросил Милодар.

– Нет, – ответила умная Пегги.

Кора кинула взгляд на нее и, к своему изумлению, обнаружила, что красные космы были всего лишь париком – теперь они исчезли, и под ними оказались прямые каштановые волосы, ничего особенного, волосы как волосы. И лицо сразу обрело миловидность и душевную скромность.

– Нельзя, – подтвердил ее слова профессор. – Перемотка идет только назад – мы перематываем генетическую память в прошлое. А если нам нужно двинуться в будущее, то мы попросту выключаем систему, пробуждаем клиента и затем погружаем его вновь в момент, который нам нужен. И это не так просто, как кажется. Вы меня поняли?

– То есть, – произнес Милодар, – вы можете прекратить сеанс, разбудить министра, а затем, повторив всю процедуру вновь, перенести его на девяносто лет до нас...

– Вот именно, умница! – обрадовался профессор. Он протянул Милодару маленькую ручку и пожал твердую кисть разведчика. Милодар смущенно улыбнулся. Кора знала, что он сейчас ощущает глубокую приязнь к профессору, потому что тот сильно уступает ростом невысокому комиссару.

– Тогда подождем... что-то очень заинтересовало гостя из Эпидавра.

Ждать пришлось недолго. Как только завершился обмен репликами, низина, по которой двигалась повозка, превратилась в овраг, густо заросший кустарником, отчего стоявший впереди фургон казался скалой и угадывался скорее по белой простыне снега на крыше.

Путники оставили повозку в низине, а сами осторожно приблизились к двум солдатам, которые переминались возле фургонов.

Уже знакомый нам дедушка Второго министра смело вышел к фургонам и сказал:

– Пароль: кукушка на яйцах.

Солдат, съездившийся под снегом, выпрямился и откликнулся:

– Отзыв: кукушки на яйцах не сидят, ваше превосходительство!

– Вызови начальника караула! – приказал дедушка. –

Небось в фургоне прячется.

– Так точно, прячется!

Еще через полминуты рядом с дедушкой оказался невысокий толстяк в мундире – не успел одеться. Видно, дедушка был большим человеком в армии.

– Почему вы здесь оказались? – грозно спросил дедушка. – Что за прятки такие? Вас здесь могут пристрелить, и никто об этом не узнает.

– Такой приказ мы получили в штабе! – Офицер полез за пазуху и протянул дедушке лист бумаги.

– Я разберусь, – сказал тот, – я разберусь.

– Но я не могу приказ передать в чужие руки! – обиделся офицер.

– Ах не можешь! – Почему-то эти слова рассердили дедушку министра, и тот выхватил из-за пояса пистолет. Вспышка выстрела озарила овраг и искорками блеснула на мокрых листьях.

Тут же вперед выбежали оба спутника дедушки и подняли стрельбу по солдатам, погибшим, так и не сообразив, что случилось.

А господин дедушка аккуратно сложил отнятый у офицера приказ с неправильно поставленным на нем, как поняла Кора, крестиком, и пробурчал себе под нос:

– Не могу передать в чужие руки... не могу передать! Вот и передал!

– Теперь, я думаю, мы можем выключить экран, – сказал

профессор Ахмет Гродно.

На экране спутники дедушки вынимали из фургона и перетаскивали в повозку плоские деревянные ящики. Ящики были тяжелыми, люди в плащах скользили по грязи и чертыхались.

– Потише, вы! – прикрикнул на них дедушка.

– Выключайте, – сказала Лицо из Эпидавра. Выражения его глаз увидеть было нельзя, так как шар его шлема был снаружи непрозрачным, но, судя по голосу, настроение его было сложным...

Пока техники и лаборанты выпускали из саркофага газ и приводили Второго министра в чувство, профессор Гродно спросил:

– Ну как, вы удовлетворены экспериментом?

– Это был эксперимент?

– Разумеется, демонстрация секретного изображения.

– Могу ли я утверждать, что виденное мною имело место в действительности?

– Разумеется. Вы видели на экране то, что хранится в генетической памяти вашего друга.

– Может ли эта... это изображение быть доказательством на суде?

– Ни в коем случае! – воскликнул Милодар. – До тех пор, пока не будет снята секретность...

– Отлично, – сказала Лицо.

Он обернулся к своему спутнику, который уже вылез из

саркофага и с помощью ассистентов уселся в кресло.

Между ними последовал разговор на эпидаврском языке. Поначалу напряженный, но мирный, затем поднявшийся до высоких нот.

Лицо нападало. Министр защищался. И, видно, защищался неубедительно, потому что был потрясен теми переживаниями, которые на него обрушились.

– Так открываются вековые тайны, – произнес Милодар.

– А он чувствовал себя в шкуре своего дедушки? – спросила Кора у Пегги.

– В этом вся драма! – вздохнула та.

– Итак, – Лицо из Эпидавра обернулось к Милодару, – мы хотели бы обсудить с вами детали будущих действий.

– А в чем дело?

– Ситуация резко осложнилась, – сообщило Лицо. – Из соображений престижа, охраняя честь моей державы, я вынужден просить вас казнить без суда и следствия всех, кто видел эту... пленку!

– То есть меня? – удивился профессор Гродно.

– В первую очередь.

– Да уймите его! – закричал профессор, обернувшись к Милодару.

– Почему же? – спросил Милодар. – Пускай высказывается. Это даже забавно.

– Потому что иначе может просочиться информация, на основе которой мы будем вынуждены переписать историю

нашей державы, чем воспользуется гнусная оппозиция! – закончило монолог Лицо с Эпидавра.

– Почему же? Почему же? – невинно спросил Милодар.

– Да потому, что якобы пробывший все сражение в штабе один из героев битвы полковник Вали-Валинта на самом деле организовал ограбление войсковой кассы... Так вот какое наследство он получил от тети в Калене де Даерти!

Лицо с трудом смогло удержаться от того, чтобы не растерзать тут же Второго министра, который был глубоко опечален и даже обратился к Милодару и профессору Гродно:

– Ну разве внук за дедушку ответчик?

– А генетическая память? – надвинулось на него Лицо с черным шаром вместо головы. – Она разве моя?

И тут Второй министр, собравшись с духом, нашел единственно возможный выход из положения:

– Может быть, мы проверим вашу генетическую память, мой милорд?

– Что? Что! Да я тебя... Мои предки всегда отличались... и вообще, почему я должен оправдываться?

Он рухнул на стул и закрыл лицо руками.

В лаборатории вновь воцарилось молчание.

* * *

– Как же вы намерены использовать этот гроб, – спросила Кора у Милодара, – для поисков зеркала, потерянного триста

лет назад?

– Очень просто, – ответил Милодар, – потому что все гениальное – просто. В саркофаге будет находиться твое сегодняшнее тело – именно в нем закована субстанция памяти твоей бабушки. Но в то же время ты будешь находиться внутри бабушки. Ведь вы же – одно и то же. В мире, в котором существовала твоя бабушка, ты будешь двигаться, жить, любить, разговаривать, действовать.

– Но ведь Второй министр только наблюдал и показывал нам эпизод из жизни своего дедушки.

– Мы с тобой сделаем следующий шаг, – вмешался профессор Гродно. – Мы будем не только наблюдать, но и участвовать. Конечно, твое участие будет условным, кажущимся. Кажущимся для нас. Но настоящим – там. Поняла?

– Нет.

– И не надо. Потому что если тебя там укусит пчела, то тебе будет больно.

– Но даже если я буду в образе моей прабабушки действовать в прошлом и найду там зеркало, как же я принесу его? Ведь я неподвижно лежу в гробу?

– Ты не принесешь, – ответил Милодар. – Ты лишь найдешь. И укажешь, где искать.

Заговорил профессор Гродно:

– Мир, в котором будет существовать Кора, то есть ее прабабка, это мир виртуальной реальности, мир, смоделированный не только мозгом Кору, но и компьютером, который об-

ладает всей возможной информацией о нашей планете и о людях, которые жили на ней. Введите в компьютер задачу, а мы приложим ее к реальной субстанции линии предков Кору Орват.

– Значит, мне придется провести какое-то время в этом гробике?

– Да, спящая принцесса, – сказала Пегги.

– Не говорите так, словно намерены унаследовать моего жениха, – заявила Кора. – У меня его нет.

– ИнтерГпол всегда набирал женщин без связей и привязанностей, – не удержалась Пегги.

Они с Корой друг дружке не нравились.

– Вам придется приготовиться к длительному пребыванию в состоянии генетического сна, – сообщил маленький доктор.

– Длительное... Это день, два?

– Это месяц, два, три... Многое зависит от того, где мы отыщем вашего предка, вашу прапрабабушку. Если она обитает в Лапландии или в центре Сибири, то перебросить ее в бирманские джунгли... на это потребуются время.

– Я этим займусь лично, – пообещал Милодар.

Он кинул взгляд на продолжавшего сидеть в позе глубокого отчаяния представителя империи Эпидавр и второго, стоявшего в дальнем углу, лицом к стене.

– А я... где я буду?

– Ты будешь находиться здесь. В газе столь плотном, что

твое тело будет подвешено в нем, как в жидкости, не касаясь стенок саркофага.

– Послушайте, комиссар! – с отчаянием воскликнула Кора. – Я уверена, что ваша идея подходит кому-то из бравых молодцев, которые умеют владеть шпагой и пистолетом. Я же – слабая женщина!

Милодар поглядел на слабую женщину, запрокинув голову. Его примеру последовал профессор Гродно.

– Нет, – сказал профессор, – не настолько слаба, как хочет казаться.

– А мне нужна женщина, – сказал Милодар. – Как ни парадоксально, но я рассчитываю больше на твой женский ум, на твою хитрость, твое женское умение выходить из воды если не сухой, то лишь с подмоченной репутацией.

– Спасибо, шеф, – сказала Кора. – Вы всегда были со мной любезны.

– Дай бог, – сказала Пегги, которая нагло присутствовала при всех этих событиях, – чтобы в 1799 году вашей милой прабабушке было меньше восьмидесяти. Хотя клюка вам, конечно, к лицу.

– Если ей будет больше восьмидесяти, – мягко возразил Милодар, – мы обратимся к ее внучке. У нас большой выбор предков.

Пегги разочарованно замолчала. И тогда Кора решилась на небольшую месть.

– Если можно, – сказала она, – я попросила бы профессо-

ра Гродно не подпускать к саркофагу аспирантку Пегги.

– Это еще почему?! – вскинулась Пегги. – Кто ставит под сомнение мою профессиональную подготовку?

– Вопрос не в подготовке, а в натуре, – откликнулась Кора. – Бывали случаи, что некоторые женщины срывали важные эксперименты из ревности.

– Я? Из ревности? К кому же, простите?

– К вашему шефу, – ответила Кора и с дьявольской улыбкой убрала руку профессора Гродно со своего бедра.

Профессор отпрыгнул на несколько метров, разбил что-то ценное и поклялся, что несет личную ответственность за безопасность первой жертвы гененавтики – так отныне будет называться научная дисциплина, первой жертвой которой станет Кора Орват.

Пегги пошла рыдать в соседнюю комнату. А Лицо из империи Эпидавр сообщило, что оно будет готовиться к отлету, ибо неотложные дела ждут его в империи.

С этими словами он церемонно поклонился и пошел прочь из зала, а Второй министр бежал за ним, лавируя среди приборов и крича:

– Вы только посмейте меня здесь оставить! Я вас сожру с потрохами!

– Вы и без этого достаточно скомпрометированы, коллега, – заметило Лицо, не оборачиваясь. – Даже на генетическом уровне.

Они скрылись в дверях, а Милодар с профессором Гродно

отпустили Кору до завтрашнего утра в деревню к бабушке Насте, перевезти туда Колокольчика, провести ночь на свежем воздухе и переночевать на сеновале. За это время архивы и компьютеры нашей планеты должны подготовить виртуальную реальность Бирмы, а также по возможности проследить предков Кору по женской линии до конца XVIII века, благо такая работа, правда, без генетического обеспечения, проводилась уже десять лет назад, когда комиссар Милодар в благодарность за помощь шестнадцатилетней Кору, воспитанницы приюта для галактических найденышей, обещал отыскать ее родителей. В чем почти преуспел.

Впрочем, все будет проверено и перепроверено завтра, во время путешествия Кору по подвалам ее генетической памяти.

Затем аппаратура профессора Гродно возродит к воображаемой жизни отдаленную прабабушку Кору, и сознание нынешней Кору дотронется до давно угасшего сознания предка. То есть отыщет память о ней в себе самой.

И Кора отправилась домой, закрывать квартиру, объясняться с Колокольчиком, эвакуировать его в деревню и молить бога, чтобы в 1799 году ее прямые предки жили не в Хивинском ханстве или Лапландии, а как можно ближе к Индийскому океану.

Глава 2

Происшествие на Пикадилли

Миссис Мэри-Энн Форест жила в бедности. Муж ее, некогда боцман на корабле Его Величества «Энтерпрайз», потерял ногу во время боя с французами возле Кале, но так навострился ходить на деревяшке, что последние три года жизни был лесником в королевском лесу графства Кент. Там и встретил смерть от руки браконьера.

Родина не была щедра к нему, но нельзя сказать, что забыла верного служаку. Небольшую пенсию вдове платило Адмиралтейство, а шесть шиллингов в месяц Энн получала от Управления королевских лесов. К тому же миссис Форест принадлежал маленький дом, стоявший в террасе домов на Грингроуз-стрит, выходящей к Темзе, недалеко от улицы Воксхолл, то есть смыкавшийся стенами с соседними, точно такими же, двухэтажными, в два окна по фасаду, домиками. Обе комнаты на первом этаже занимала семья Форестов, то есть сама Мэри-Энн и двое ее детей – семнадцатилетняя Дороти и одиннадцатилетний Майкл. А две комнаты на втором этаже миссис Форест сдавала мистеру Гордону Смиту, бывшему служащему Ост-Индской компании, тихому пьянице, который хоть и нерегулярно, но платил вдове и к тому же бесплатно – а где найдешь в наши дни такое? – учил ее детей

грамоте и арифметике. Дети были в мать, сметливые, быстрые умом, и умели читать и писать не хуже иного джентльмена. Гордон даже говорил, что Дороти могла бы поступить в Оксфордский университет, а потом когда-нибудь надеть судейскую мантию. Это была его обычная шутка, и все дома весело смеялись над ней. И в пабе «Золотой лев», то есть пивной на углу, он рассказывал о способных детях миссис Форест, и, конечно, никто не принимал его всерьез, хотя надо сказать, что в большинстве своем улица неплохо относилась ко вдове и ее детям, хотя могло бы случиться и обратное. Грингроуз-стрит полагала, что вдова с достоинством и скромностью несет свое горькое положение, дети и дом ее всегда в порядке, а бедность чиста и неназойлива. К тому же миссис Форест работала не покладая рук и приспособилась к работе детей – она делала шляпы для госпожи Блюмквист, веселой разбитной шведки, которая держала шляпную мастерскую возле миссис Форест на Кинг-стрит возле Ковент-Гардена.

Был у миссис Форест один явный недостаток, и, наверное, он осложнил бы ее жизнь в квартале классом повыше. Но на такой бедной улице, как Грингроуз, цвет лица или разрез глаз не играли решающей роли.

Британская империя была необъятна, и к концу XVIII века над ней уже никогда не заходило солнце, так что жен, сожительниц, детей нижние чины привозили нередко, офицеры – куда реже. Вот и боцман Форест привез свою Энн из да-

леких земель, название которых помнила лишь сама миссис Форест, и, наверное, в ее памяти оно осталось иным, чем на картах Адмиралтейства. К счастью для ее детей, Мэри-Энн была светлокожей, хоть и черноволосой и черноглазой женщиной. Дети унаследовали от нее четко очерченные полные губы, упрямые круглые подбородки, высокие широкие скулы, черные ресницы, но волосы и глаза они взяли от отца – светлые, что придавало детям особую прелесть и необычность. Если к тому же добавить, что и Майкл, и Дороти пошли в мать открытым, веселым, даже порой легкомысленным характером, общительностью, ловкостью и склонностью к незлым шалостям, то, к счастью, получилось так, что и среди сверстников они пользовались популярностью и на бедной улице были как дома...

Обе комнаты первого этажа, которые занимало осиротевшее шесть лет назад семейство Форестов, были чистыми, аккуратными, но отличались от комнат соседских домов, впрочем, и комнат мистера Гордона Смита, заваленных книгами, барахлом и бумагами, ибо этот господин уже раз тридцать начинал писать воспоминания, но далее пяти страниц не продвигался, а потом через год, намереваясь продолжить их, не мог найти первых страниц и все начинал снова. Комнаты миссис Форест были пустыми. Так ей нравилось. Одна картинка: раскрашенная гравюра в рамке, изображающая «Энтерпрайз», огибающий с грузом чая мыс Доброй Надежды, в буфете под стеклом трубка мистера Фореста и его ме-

даль за защиту Гибралтара против французов и испанцев, врученная боцману лично генералом Элиотом, именно так, оловянная кружка, из которой мистер Форест пил пиво, а также шесть стеклянных бокалов, купленных Форестом уже здесь, по приезде на родину.

Английскому духу претит жизнь в пустом помещении, с голыми стенами и без небольших и, желательно, тесно стоящих предметов. Но у Мэри-Энн лишних предметов не было, а стены были голыми. Дети к этому привыкли, а соседи заходили редко и полагали отсутствие предметов следствием бедности вдовы.

Вот, пожалуй, и все, что можно сейчас рассказать о семье миссис Форест, ее детях и ее доме.

Тот апрельский день 1799 года выдался солнечным и теплым. Хотя в ветре, скользившем по Темзе и быстро подгонявшем по ее широкой глади небольшие парусники, сопровождаемые крикливыми чайками, еще таилась весенняя прохлада. Близкое лето давало о себе знать более всего в жаре солнечных лучей.

Шляпа, заказанная для одной знатной дамы, была готова, уложена Мэри-Энн в круглую коробку и перевязана бечевкой.

– Все! – сказала Мэри-Энн. – Только не спеши, не бегай, ты взрослая девушка.

– Разумеется, мама, – ответила Дороти, которая одной ногой уже была на улице, на солнце, на свободе.

– Когда миссис Блюмквист заплатит тебе, расплатишься с мистером Стоуном (это был бакалейщик) – и сразу домой!

– Да, мама!

Обе знали, что согласие, полученное матерью от Дороти, вырвано под пыткой и не будет выполнено. Всем было очевидно, что, отдав шляпу, Дороти помчится на Оксфорд-стрит фланировать по тротуару, как настоящая леди, глаза на витрины и рассматривая экипажи и всадников, разъезжающих по улице.

– Ну, беги!

Мэри-Энн подошла к окну, перед которым росли два пышных розовых куста, на которых уже начали наливаться бутоны. Она смотрела вслед Дороти и любовалась ею. Конечно, девочка могла бы быть и поменьше ростом, а то уж очень кажется худой, но Дороти грациозна, легка, взор ее привлекает доверчивостью и добротой, хотя может стать холодным, и тогда жди взрыва – это у нее от восточной маминой крови. А от отца она унаследовала аккуратность и упрямство британского моряка.

Почувствовав взгляд матери, Дороти обернулась и помахала ей. Они были так близки с матерью, что Дороти угадала ее мысли: «Если все будет хорошо, Дороти сможет устроиться в хороший дом горничной и там встретит достойного человека...»

Ах, мама, какая ты наивная! Не нужен Дороти достойный человек, садовник или дворецкий. Мечта Дороти – попасть в

море, оказаться на палубе такого корабля, что летит по стене передней комнаты их дома. Какое горе, что она не родилась мальчиком! Вот Майклу все это открыто, а он любит шить шляпы. Вы не поверите – он шьет лучше всех в их доме!

Мастерская миссис Блюмквист под красивой вывеской с изображением дамы в легком, облегающем тело платье, какие, говорят, завели сначала в мятежной Франции, и в широкополой шляпе, располагалась на узкой Кинг-стрит неподалеку от Ковент-Гардена.

Дороти добралась до мастерской без особых приключений – путь от Воксхолл-стрит, от Темзы, узкими тихими улицами, где жила публика солидная, но небогатая, занял не более получаса. Так что вскоре Дороти уже крикнула снизу, увидев в открытом окне второго этажа мастерской наполовину скрытую вывеской веселую, но не очень щедрую госпожу Блюмквист:

– Вам не холодно, миссис Блюмквист?

– У нас в Швеции все лето такое, – ответила белокурая госпожа Блюмквист. Она говорила с некоторым выдуман- ным ею акцентом, чтобы скрыть настоящий, эдинбургский, откуда она была на самом деле родом.

Весна пришла дружная, многие кусты и деревья уже распустились, а на зеленых склонах к Темзе, там, где не было грязных причалов и складов, зазеленела такая свежая трава, что можно было позавидовать щипавшим ее козам.

– Ты сама не замерзни, а то несешься в одном платье,

вспотеешь! – откликнулась миссис Блюмквист.

Тук-тук-тук – взлетела Дороти на второй этаж по скрипучей лестнице. Аккуратная госпожа Блюмквист уже сложила в длинный бумажный конверт предназначенные миссис Форест деньги. Дороти быстро поздоровалась с тремя мастерицами, что сидели вместе с госпожой Блюмквист, и помчалась на улицу. Столько еще надо было сделать до возвращения домой, а ведь мама уже поглядывает на ходики, которые отбивают не часы, а склянки – память о корабле «Энтерпрайз». То есть они бьют раз в полчаса. В половине первого – раз, в три часа – шесть ударов, в четыре – восемь склянок. И все начинается снова – так три раза в сутки. Отцу было приятно думать, что какой-то кусочек корабельной жизни сохраняется в его доме. А Майкл с Дороти долгое время были уверены, что в жизни нет часов, а есть склянки, что приводило некогда к смешным и печальным недоразумениям.

От Ковент-Гардена до Оксфорд-стрит не так уж далеко – девичьи башмаки простучали эти кварталы за несколько минут...

* * *

В тот день молодой человек по имени Алекс Фредро, служивший штурманом на компанейском корабле «Глория», названном так в честь покойной супруги сэра Уиттли, вице-президента совета директоров и бывшего министра,

проснулся поздно. И причиной тому была не дуэль и даже не романтическое приключение, а встреча с епископом Яблонским, отыскавшим его во время негласного визита в Англию и взявшего у него некоторые важные бумаги. Епископ знал о скором отплытии Алекса в Британскую Индию, из-за чего тот не мог быть более «почтовым ящиком». Епископ был старым другом господина Николаса Фредро, отца Алекса, и именно его негласному, но немаловажному влиянию Алекс был обязан своим образованием и тем, что ему не пришлось начинать службу на кораблях Компании юнгой, а он сразу стал мидшименом, или мичманом, то есть будущим офицером, а к двадцати восьми годам дорос до достаточно опытного штурмана, иначе бы ему не служить на «Глории».

Алекс не любил Лондона, он всегда чувствовал себя в нем чужим и потерянным. Лондон был для него слишком шумным, тесным и неудобным местом. Здесь даже стволы деревьев, если найдешь одно на заднем дворе, обрастали лишайниками и какой-то мокрой зеленью.

На этот раз Алексу не пришлось долго околачиваться в порту – его «Кент» отправился в сухой док, а сэр Уиттли, который всегда внимательно следил за судьбой подчиненных ему людей, сам предложил Алексу перейти штурманом на «Глорию», корабль новый, один из лучших в Компании, который спешно снаряжался в Мадрас и Рангун для исполнения секретных планов, из-за чего и груз на «Глории» был иным, нежели обычно на кораблях Компании, которые долж-

ны были поставлять ткани, посуду, оружие, нужные товары британского производства в обмен на пряности, тик и иные произведения тропических стран, с большей или меньшей мерой охоты склонявшихся к признанию власти короля Великобритании.

Алекса разбудили громкие крики грузчиков, которые утопили в грязи сундук какого-то джентльмена, стаскивая его с экипажа. Он еще лежал некоторое время, не открывая глаз и слушая, как разгорается под окнами скандал, как в него вплетаются все новые голоса – возницы, пострадавшего джентльмена и тех зевак, которых хлебом не корми, но дай подсказать что-нибудь бесполезное.

Наконец, когда не осталось сил притворяться, что ты все еще спишь, Алекс вспомнил, что обещал быть днем у своего старого приятеля по штурманской школе, недавно выгодно женившегося и решившего оставить ненадежное и опасное морское поприще. Но визит, до которого надо было надеяться на «Глорию», где будут устанавливать новый компас, требовал посещения парикмахерской и покупки новых башмаков: гардероб Алекса был скромен, но не от его жадности или крайней бедности, хоть и приходилось посылать деньги оставшимся дома племянникам и сестре, но раз уж пока у Алекса не было своего угла в Англии, то большой гардероб был не нужен, а основное добро молодого моряка умещалось в сундуке, стоявшем сейчас в углу номера.

Тут Алекс открыл глаза, и пришлось вставать.

Гостиница была чистой, для джентльменов, служащих и офицеров Ост-Индской компании, потому в ней не было ни клопов, ни крыс, несмотря на то что она лежала неподалеку от реки, куда вошла перед отплытием «Глория», а ночную посуду слуги мыли каждый вечер, в тазу была налита прозрачная вода, и полотенце было выстиранным, как в лучших домах.

Умываясь, молодой человек поглядел в овальное зеркало, прикрепленное к стене, и остался собой недоволен. Хотя он, следуя моде, отрезал косичку и стригся коротко, что было удобно в морской жизни, но так и не решился завиться, и потому его волосы, прямые, каштановые и не очень густые, никак не украшали его обыкновенного, ничем – ни горбатым носом, ни высоким лбом, ни орлиным взором – не примечательного лица. Скорее лицо было излишне мягким в чертах, и даже подбородок недостаточно крут, что выдавало мягкость характера, хотя на самом деле внешность Алекса Фредро была обманчивой – он был чрезвычайно упорен, настойчив и терпелив и, главное, умел, хоть и не любил, отчаянно драться, что спасало его в мичманском кубрике.

Вспомнив на мгновение те годы, Алекс замер, но зеркало тут же выдало его – у отражения остекленел взгляд и опустились уголки губ... Впрочем, своим сложением Алекс также не был доволен, потому что его широкие плечи и развитые, сильные руки выдавали в нем простолюдина, каким он на самом деле не был – фамилия Фредро прослежи-

вала свои дворянские корни по крайней мере лет на двести в прошлое... О, как мечтал он раньше быть таким же изящным, узкоплечим, гладкобедрым и изысканным, как настоящие кавалеры!.. Даже понимая, что подобные качества на корабле не приносят пользы, а к элите Компании в Мадрасе или в Калькутте он не относился, изжить в себе зависть не мог. А так как Компания не поощряла дуэлей между своими служащими, то это занятие его и не привлекало. Алекс Фредро был карьеристом. Он хотел стать капитаном настоящего корабля. Надеяться на это у него были все основания, если учесть, что его козырями были упорство и морское ремесло. Правда, не более того.

Приведя себя в порядок и позавтракав внизу, где хозяйка гостиницы, благоволившая к скромному штурману, оставила ему горячий кофейник и яичницу с беконом, Алекс вышел на улицу, где грузчики все еще возились с сундуком, который чуть ли не наполовину ушел в грязь. Он обошел драматическую сцену, прижимаясь к стене дома, где было посуше, и направился к центру Лондона, в известную ему парикмахерскую. Он все же решился немного завить волосы и, не исключено, посоветоваться с цирюльником, не отпустить ли ему бакенбарды, небольшие, как у капитана Фицпатрика, командира «Глории».

Дойдя до угла, Алекс достал из жилетного кармана часы-луковицу, щелкнул, открывая крышку, часы сыграли простую мелодию, вряд ли кому известную в Лондоне, и со-

общили, что времени оставалось немного, ведь визит к парикмахеру наверняка отнимет более часа. Так, может, сначала все-таки заглянуть на «Глорию» и потом с легким сердцем?..

Решить эту проблему следовало немедленно, но так как она была не столь уж важна, то Алекс решил отдаться в руки судьбы. Он достал медную монету в полпенни и сказал вслух:

– Голова, – имея в виду голову короля Георга III, изображенную на лицевой стороне монеты.

– И тогда пойдете в парикмахерскую? – спросил невысокого роста пожилой, курчавый, с проседью человек, одетый в черное, но без шляпы.

Настроение у Алекса было достаточно миролюбивым, чтобы не обижаться на столь необычное вмешательство в чужие дела.

– Тогда в парикмахерскую. – Он улыбнулся и подумал, что образовавшаяся у него от вахтенного одиночества привычка беседовать с самим собой может сослужить в Лондоне дурную службу.

Он подкинул монету. Случайный прохожий внимательно и напряженно смотрел на него. Поймав монету, Алекс раскрыл ладонь. Кверху лежала Британия, держащая в одной руке копьё, в другой – овальный щит.

– Значит, на корабль, – сообщил Алекс курчавому джентльмену.

– Почему же так? – удивился тот, утыкая палец в тыльную

сторону кисти. Монета вылетела и упала на мостовую. – Я же собственными глазами видел, что была голова монарха.

Джентльмен громко засмеялся, но тут же нагнулся, поднял монету, протянул ее Алексу, и тот убедился, что смотрит на голову Георга.

– Я не слепой, – сказал Алекс. – Была Британия.

– А кто настаивает на этом?

– Но я видел...

– Вы видели короля, мой милый, – сказал курчавый джентльмен и буквально потащил Алекса к углу, к Оксфорд-стрит, к парикмахерской, и притом почему-то приговаривал: – Да скорее же! Разве вы не понимаете?

– Что вы делаете, черт побери! – воскликнул штурман.

Вырвав рукав из цепких пальцев джентльмена, он хотел было объяснить тому по-мужски, что так цивилизованные люди себя не ведут, но джентльмена и след простыл – днем на шумной Оксфорд-стрит нетрудно затеряться в толпе...

* * *

Сэр Джордж Уиттли, вице-президент Британской Ост-Индской компании, в отличие от штурмана Фредро, побывал на «Глории» уже с раннего утра и проверил, должным ли образом идет погрузка корабля. С кораблем у господина Уиттли были связаны настолько важные и далеко идущие планы, что даже не все директора Компании были в них посвящены,

а всей правды не знал никто, кроме сэра Джорджа.

Пока все шло, как предполагалось. Но ясно было, что успех зависел от множества причин и случайностей – Атлантический океан, Индийский океан, Индия... Куда больше шансов потерять, чем найти. Но если найдем, то вся жизнь обретает особый смысл.

Сэр Джордж ехал домой по Оксфорд-стрит в открытом экипаже, наслаждаясь солнечным апрельским днем и не опасаясь простуды – этот краснолицый, рано поседевший, крепкий мужчина, казавшийся толстым, вовсе не был толстым, а скорее туго-мясистым здоровяком. И если ему и грозила смерть, то только от излишнего накопления жизни – от этого порой происходят апоплексические удары.

Протянув вперед трость, сэр Джордж дотронулся до спины Мэттью и произнес, перекрывая шум улицы:

– Поторопись, Мэтт, у нас сегодня гости к ленчу.

– Вы же видите, какое здесь движение, сэр! – откликнулся кучер. – Я не удивлюсь, если через несколько лет Лондон погибнет.

– Отчего? – искренне удивился сэр Джордж.

– От конского навоза. Он наполнит улицы до вторых этажей!

– Это необычное, но не лишнее здорового смысла изображение, – сказал сэр Джордж, который привык всерьез рассматривать любую теорию или гипотезу, если видел в ней гран здорового смысла.

И в этот момент на подножку экипажа вспрыгнул небольшого роста курчавый джентльмен без шляпы. У него было лицо цыгана либо индийского жулика – подобные лица неоднократно встречались сэру Джорджу в Ост-Индии, которой он не выносил вместе с ее сладкими красотами, претенциозными руинами, подбострастными раджами и посредниками, коварством отравленного воздуха и тухлыми, но острыми запахами тесных городов.

Рука сэра Уиттли потянулась к внутренней, обшитой кожей стенке экипажа, где был глубокий карман для пистолета, но тут же он вспомнил, что собственноручно вытащил пистолет оттуда, ибо пэру империи неловко разъезжать по столице с заряженными пистолетами. Могут узнать газетчики, и тогда поднимется смех на всю страну: «Перед кем трепещет этот милорд?»

– Я не зарезу вас, – негромко сказал курчавый человек, и, к удивлению своему, сэр Уиттли обнаружил, что он не молод и не похож на индийца, а скорее принадлежит к какому-нибудь балканскому народу, что не исключало его цыганского происхождения. – Не бойтесь.

И, раскрыв в ухмылке рот, курчавый разбойник показал настолько ровные и белые зубы, каковые могли быть сделаны из фарфора, но не из костей, как то положено.

– Что вам надо? – спросил сэр Уиттли, избегая обращения к этому бродяге, который явно бродягой не был, но, возможно, состоял в греческих заговорщиках.

Мэттью обернулся, но коней не придержал, потому что в этой толчее они и без того шли шагом.

– Для вашего блага, – произнес курчавый мужчина, глядя в глаза сэру Уиттли с настойчивостью гипнотизера, – прошу вас свернуть на Пикадилли, ибо на ближайшем углу вас могут ждать неприятности.

– Что такое? Что за бред, в конце концов! – возмутился сэр Джордж.

Но курчавый поднял палец, как бы подчеркивая этим серьезность своего предупреждения.

– Помните ли вы о том, как по вашему приказу для проведения дороги к форту был снесен храм сикхов? Говорит ли вам что-либо имя Раджагатан Сингх? Сверните на Пикадилли! Сейчас же!

И с этими словами курчавый спрыгнул с подножки и пропал. Мгновение – и его голова мелькнула среди прочих... Нет, наверное, в нем есть негритянская кровь! Да, именно такая странная, чепуховая мысль промелькнула в голове сэра Джорджа. И он услышал:

– Я поверну, чем черт не шутит!

Он не ответил, хоть голос Мэттью и проник сквозь грохот улицы. Он вспомнил шоколадные, ненавидящие глаза старого сикха, изрыгающего проклятия на исполнительного, холодного и уверенного в своей правоте британского чиновника. Этот старый, фактически пустующий сикхский храм перекрывал низину между двумя холмами, создавая страте-

гическую ловушку для любого отряда, следующего из форта Св. Георгия на север. Это была точка зрения майора Куинси. И ее, разумеется, разделял старший фактор Уиттли, который нес перед Компанией и короной ответственность за безопасность британских подданных и британского имущества в этой стране, которую так и не полюбил и жизнь в которой лишь терпел – почти двадцать лет терпения... Он увидел, что экипаж поворачивает на Пикадилли, и понял, что Мэттью принял угрозу курчавого пророка, видно, из соперничающей компании бандитов, всерьез и решил не рисковать жизнью патрона. Теперь придется объезжать целый квартал, прежде чем вернешься на основную дорогу. Впрочем, с этими сикхами надо быть осторожным – они истинные убийцы, и, что самое опасное, у них долгая память. Ведь добрались же они до Горди Ричардсона! В его имении, в Сассексе! По крайней мере на том настаивает молва.

Экипаж чуть накренился, поворачивая, Мэттью стегнул коня, тот дернул вперед, и надо же так случиться...

– Стой! Куда ты! Назад!

* * *

– Стой! Куда ты! Назад! – Дороти услышала этот крик, но не поняла, что он относится именно к ней.

Перед тем она долго рассматривала витрину часового магазина, в которой за стеклом возвышались мраморные и по-

золоченные каминные часы, изображающие двух обнаженных богинь, опершихся о мраморный грот, вместо входа в котором находился золотой циферблат. Но не позолота и не фигурки богинь столь зачаровали Дороти, а живой, в прожилках, зеленый нефрит, из которого была сделана горка. И в этом нефрите жила какая-то ценная и близкая для Дороти тайна, некое воспоминание, которого и быть не могло. Но порой это просыпалось в ней – и именно с камнями, дикими, порой некрасивыми, в которых Дороти видела то, что было неподвластно взору других людей. Дороти могла идти по улице и вдруг присесть возле булыжника на мостовой, потому что, пронзая мысленным взором грязь и потертость камня, она понимала, какая красота откроется в нем при разломе или распиле... Порой, еще девочкой, она притаскивала домой камни и хранила их в мешочке в своем углу. Отец смеялся, велел выкинуть, но, конечно же, не выкидывал, а мать сама имела к камням собственное тайное отношение, хотя не столь выраженное, как у Дороти. Но и она могла долго вертеть в руках непрозрачный осколок гранита, как бы впитывая пальцами его тепло и скрытую красоту.

Нефритовые каминные часы произвели такое впечатление на девушку, что она с трудом оторвалась от витрины, все еще мысленно трогая камень... И не замечая ничего вокруг, вышла на мостовую – точно под поворачивавший на Пикадилли экипаж сэра Джорджа. И ни остановить его, ни удержать коней, которые при неожиданном повороте также потеряли

на секунду способность ориентироваться, было невозможно.

Сэр Джордж успел лишь приподняться над сиденьем и зажать рот рукой, ибо предчувствие страшного конца этой сцены больно сжало его сердце.

Но в этот момент случилось совершенно непредвиденное.

Молодой человек в скромном синем сюртуке, серых, в обтяжку, штанах ниже колен и белых чулках, волей судьбы увидавший неминуемую беду за секунду до того, как кони растоптали девушку, проявив нечеловеческую ловкость, прыгнул к девушке так, как кидаются на бордаж через трехъярдовую пропасть, разделяющую в море два корабля, и рванул Дороти к себе, падая на край мостовой, к счастью для всех, на невысокую тележку, увенчанную грудой темно-зеленых арбузов. Арбузы посыпались из опрокинувшейся повозки и спасли молодых людей, ибо удар коней, старавшихся остановиться и вставших на дыбы, пришелся в груды арбузов и тележку. Через несколько секунд прекратились треск, грохот и многоголосый крик, ибо сотни людей, увидев, что происходит, успели испугаться. Но не успели, разумеется, что-либо предпринять, так как экипаж врезался облучком и передним колесом в фонарный столб, отчего Мэттью свалился на землю, и над всем этим крошевом людей, арбузов, поломанного дерева, как статуя, возвышался неподвижный от растерянности и страха сэр Джордж. Он высоко поднял трость, словно намеревался от кого-то защищаться.

Первым поднялся молодой человек в синем камзоле и

обернулся в поисках своей шляпы – он принадлежал к тем воспитанным джентльменам, которые чувствовали себя без шляпы неприлично обнаженными. Но притом он помог подняться спасенной им девушке, которая также забыла о боли и разорванном платье, потому что испугалась, не потеряла ли она пустую шляпную коробку, за что будет наказана.

И лишь поднявшись, девушка вскрикнула от боли, и все увидели (а толпа окружила сцену быстро и тесно), что разорванная юбка не может скрыть разрезанного бедра, из которого течет кровь, и разбитую в кровь щеку. Молодой человек также был в крови, хотя, как потом оказалось, это была кровь Дороти. К тому же одежда обоих участников происшествия пришла в ужасное состояние – Алексу было достаточно одного взгляда на свой сюртук, чтобы понять: с мыслью об обеде у приятеля придется проститься. Но, правда, смотрел он больше не на себя, а на девушку. Девушка была совсем молоденькой, почти девочкой, хотя длинноногой и стройной, и ростом она почти не уступала штурману Фредро. Лицо ее, возможно, не лишнее очарования, сейчас вряд ли можно было бы назвать таковым – кровоподтек и синяк захватывали правую сторону лица, волосы растрепались, косынка или шляпка были утеряны. К тому же девушка была бледна и вот-вот готова лишиться сознания.

Штурман помог девушке подняться на ноги, и она стояла, пошатываясь, опираясь всей тяжестью на руку штурмана, и не соображала, где находится и что с ней случилось.

И в этот момент, перекрывая уличный шум, гул толпы и вопли пришедшего в себя владельца тележки с арбузами, послышался низкий голос человека, привыкшего управлять людьми:

– Мистер Фредро, вы ли это?

– Вот именно, милорд, – ответил штурман, только теперь сообразивший, что весь инцидент произошел с экипажем, в котором находился сам сэр Джордж Уиттли, вице-президент Ост-Индской компании, более того, фактически владелец «Глории» и организатор ее плавания в южные моря, то есть живой бог для молодого штурмана.

– Это я, – повторил штурман виновато, словно сам толкнул или подсунул девушку сэру Джорджу.

Сэр Джордж не успел ответить, как из глубины толпы, где обычно собираются борцы за правду, предпочитающие вести борьбу анонимно, раздался громкий голос:

– Для таких господ жизнь человека и пенса не стоит!

Ответом возгласу были глухой ропот и иные возгласы, также нелицеприятные для сэра Джорджа, который почувствовал себя обнаженным и беззащитным, словно король Франции Людовик на эшафоте на Гревской площади.

И надо сказать, что, хотя уже прошло шесть лет со дня казни монарха, а затем и завершения страшного террора, сэр Уиттли относился к тем вельможам, которые на всю жизнь после этого сохранили в себе недоверие к толпе, к ее темным инстинктам, ее грубости и внутренней ненависти к тем,

кто дает работу, хлеб, кров, кто правит страной по возможности мудро и справедливо. Возможно, к этому примешивалась и память предков сэра Уиттли, которым пришлось бежать и скрываться от круглоголовых Кромвеля или от бедняков Уота Тайлера... В любом случае страх перед чернью глубоко сидел в сэре Джордже. Он медленно опустил трость и сжался на сиденье, готовый закричать Мэттью: «Гони!», но понимая, что именно это сделать невозможно и, пока толпа не выпустит его, никуда он не денется.

Девушка закрыла глаза и потеряла сознание, это было видно сэру Джорджу, и тогда он, ничуть, правда, не тронутый видом пострадавшей дурочки, которая со свойственной простодушием беззаботной тупостью сама сунулась ему под колеса, понял, что пора действовать.

В любом случае сэр Уиттли, будучи человеком, в принципе, бессердечным, если дело не касалось его близких, приказал бы Мэттью ехать дальше, кинув побирушке шиллинг, но в окружении такого числа свидетелей он был вынужден вести себя иначе. Тем более что, пока он рассуждал, сжимаясь под растущим зловещим ворчанием толпы, в первые ряды пролез вездесущий репортер-газетчик, ловкая bestия, готовый за сребреник разрушить карьеру и дело большого человека, а сегодня сэру Уиттли менее всего хотелось оказаться на виду у газет вигов.

– Чего вы стоите, Фредро! – крикнул он штурману. – Алекс, Мэттью, кладите девушку сюда. – Он посторонился

на широком сиденье, освобождая место для пострадавшей, словно иной мысли ему и в голову не могло прийти.

Несколько рук поднялось вслед за девушкой – всем хотелось помочь, и уже утихала злость черни, потому что господин вел себя иначе, чем от него ожидали.

Алекс встал на подножку и поддерживал все еще бесчувственную девушку, чтобы она не коснулась сэра Уиттли и, не дай бог, не измарала его кровью. Сэр Джордж прозорливо осознал это желание штурмана и отдал ему должное, а сам отодвинулся как можно дальше от пострадавшей, потому что его плащ и сюртук были сшиты у такого дорогого портного, что этой девице за век не заработать на такую одежду.

– Трогай! – приказал сэр Джордж, полагая, что толпа теперь пропустит его экипаж, тем более что сзади дудели рожки карет, раздавались крики возчиков и кучеров, задержанных в своем движении.

Проверяя, убрался ли газетчик, сэр Джордж увидел у стены, на некотором отдалении от начавшей рассасываться толпы, немолодого уже человека с курчавыми, в седину, волосами, остроносым крепким лицом. Конечно же, это не грек и не цыган – это типичный сатир! Мраморную голову такого он видел в доме графа Мальборо – тот купил ее в каком-то из портов во время Средиземноморской кампании.

Курчавый человек, столь неожиданно появившийся на его пути с предупреждением о сикхах и в результате заставивший его влипнуть в неприятную историю, поднял руку, как

родственник, остающийся на берегу и посылающий последний привет кораблю.

Сэр Джордж резко отвернулся от него.

Экипаж медленно поехал боковыми улицами, избегая толкотни, чтобы спокойнее и незаметнее добраться до дома. На этих улицах и улочках немислимо трясло, молодой штурман достал свой платок и попытался закрыть им рану. Разрез на ноге был неглубок, но в длину достигал фута и потому обильно кровоточил.

В помощь штурману сэр Джордж пожертвовал своим платком – платки пропитывались кровью и создавали в экипаже ощущение полевого госпиталя. Ноздри сэра Джорджа давно не впитывали запаха свежей человеческой крови – у нее особый, дикий, тревожный запах... Сэр Джордж пытался угадать, какова собой жертва столкновения, но не мог – к нему были обращены распухшая синеющая грязная щека и спутанные волосы...

Экипаж свернул с улицы к металлической ограде, ворота в которой, выкованные более ста лет назад и бывшие произведением железного кружевного мастерства, медленно раскрылись, как бы примеряясь к скорости, с которой хозяин дома въезжал в свою резиденцию.

Открыв створки ворот, слуги в голубых ливреях замерли, вытянувшись и ничем не показывая своего удивления, но необычный вид экипажа встревожил дворецкого и двух лакеев, которые вышли к дверям наверху широкой лестницы,

чтобы встретить сэра Уиттли. Они побежали навстречу ему, не дожидаясь, пока экипаж остановится у лестницы, и сильные руки лакеев сразу подхватили девушку, помогая штурману вытащить ее из экипажа.

Дворецкий, остановившись в двух шагах поодаль, спросил сэра Джорджа:

– Куда прикажете?

В этом вопросе было все. И понимание того, что девушка не принадлежит к кругу персон, равных лорду, а то и самому дворецкому, и попытка осознать степень ответственности, какую сэр Джордж вознамерился взять на себя в связи с каким-то непонятным событием. Что это – благотворительность, доброта, столь несвойственная лорду, либо стечение обстоятельств, из которых сэру Джорджу придется выпутываться?

А сэр Джордж, которому дворецкий служил еще со времен Мадраса, более двадцати лет, одной фразой все поставил на место:

– В комнату для гостей... на первом этаже. И вызвать мистера Симкина.

Комнаты на первом этаже предназначались не для гостей лорда, а для слуг гостей. Штурману этого знать не следовало, а Мартин все понял.

Уиттли кинул взгляд на штурмана. Тот стоял, прикрывая измаранную кровью кружевную сорочку под распахнутым сюртуком. Шляпу он потерял во время происшествия.

– Это чудо, мистер Фредерик, – произнес сэр Джордж, к сожалению, перепутав непривычно звучащую фамилию своего штурмана. И, почувствовав себя неуверенно, сразу нашелся: – Вы позволите называть вас просто...

– Александр... Алекс.

– Чудесно, чудесно. Сам бог послал тебя, Алекс, чтобы спасти эту несчастную дурочку. Нет, вы только подумайте! Во всем Лондоне на помощь бросается именно мой человек! – И сэр Джордж облегченно и искренне рассмеялся. – Я вам обязан, да, да, не отнекивайтесь. И не подумайте покидать мой дом в таком виде! Сейчас Мартин... – Сэр Джордж обернулся в поисках дворецкого – тот был рядом, но уже успел отдать нужные указания, и лакеи унесли девушку, а одна из служанок побежала за доктором Симкином. – Ах, вот ты где, Мартин. Мартин, голубчик, отведи Алекса в комнату Джулиана. Открой его гардероб и помоги штурману моего корабля, славному морскому волку и будущему капитану, отыскать себе одежду по вкусу. Надеюсь, размером она ему подойдет.

– Разумеется, сэр, – слегка поклонился дворецкий, – однако я должен напомнить, что, так как сэр Джулиан уже шесть лет не был дома, его костюмы несколько вышли из моды.

– Алекс не модник, нет, Алекс не модник. – И тут же, будто усомнившись в комплименте, сэр Джордж обернулся к штурману. – Ты не модник, мой друг?

Алекс улыбнулся. Ответа не требовалось. Сэр Джордж то-

же улыбнулся, и так было достигнуто взаимопонимание.

– Когда же вы приведете себя в порядок и покажетесь доктору Симкину на случай царапин и ссадин... не спорьте, мой друг, надеюсь, вы присоединитесь ко мне в библиотеке, и мы выкурим по трубке. Мне давно хотелось поговорить с вами о будущем плавании «Глории», но все не было времени, а теперь судьба распорядилась за нас, разве это не чудесно?

Алексу ничего не оставалось, как согласиться, что такая перспектива чудесна.

– А затем вы останетесь на ленч, и я представлю вас моей невестке. Вам не приходилось еще встречать жену моего Джулиана?

– Не имел чести.

– Вот и отлично, вам же вместе плыть в Рангун!

И тут, словно вновь увидев, какой жалкий вид у штурмана, да и вообще сообразив, что парадная лестница – не лучшее место для разговоров, сэр Джордж передал молодого человека в руки усатого Мартина, а сам проследовал к себе, недовольный тем, что вдруг обнаружил на рукаве плаща пятнышко крови.

* * *

Миссис Джулиан Уиттли, она же младшая хозяйка дома, Регина, супруга единственного сына и наследника сэра Джорджа, пребывала с утра в отвратительном настроении.

Она осталась без горничной.

Все уже было давно решено. Регина прибавила Салли жалование, обещала, что сама позаботится в Ост-Индии о достойном женихе, и выбросила эту заботу из головы. У Регины была особенность – она привязывалась к людям и вещам. То есть для нее и люди и вещи были понятиями одной категории – ее окружением. Она до сих пор повсюду таскала с собой куклу, которую тетя Джейн подарила ей в пятилетнем возрасте, она не позволяла выкидывать старые платья и даже туфли, для них за гардеробной была особая комната, которую в доме все открыто звали «старьевщицей». Она долго сопротивлялась замужеству, потому что мысль о том, чтобы покинуть родной дом, была невыносима. Для нее была трагедией поездка в Индию через год после свадьбы. Она прожила с мужем в Мадрасе три года, привыкла постепенно к новой жизни, но, когда муж был переведен фактором на новое место – в Рангун, – взбунтовалась и под предлогом лечения дизентерии и малокровия возвратилась в Лондон и осталась тут надолго. Некоторые досужие языки даже утверждали, что она намерена расстаться с Джулианом, а отец ее, лорд Грейди, добьется развода для дочери, чтобы не губить ее в джунглях этой проклятой Индии. Потом, когда прошло три года и старший сэр Уиттли стал настаивать на ее возвращении к Джулиану, который уже обосновался на собственной фактории в Рангуне, соблазняя молодую женщину возможностями, открывавшимися перед ее сыном и ею самой,

Регина, проснувшись как-то утром, вдруг поняла, что муж — это нечто привычное, подобно старой кукле, и к нему пора возвращаться.

Разумеется, такая мысль не пришла бы в голову Регине, если бы в Лондоне не было так скучно, если бы муж ее не присылал деньги так скупно, вкладывая, как утверждал, в индийские фрахты, если бы не прижимистость старого сэра Джорджа, если бы не ощущение того, что жизнь проходит в скучной роли соломенной вдовушки, хотя ей куда более подходит роль владычицы далекой империи. Когда же обнаружилось, что в Рангун пойдет не пропахший гнилью и рыбой торговый тихоход, а удобная, вместительная, комфортабельная «Глория», путешествие на которой может обернуться приятными разнообразными приключениями, Регина неожиданно для старого лорда легко согласилась вернуться к мужу, забыв, что покинула его из-за плохого тропического климата. Правда, сэр Уиттли был вынужден хорошо заплатить за столь легкое согласие. Но и он не остался внакладе, потому что платил невестке не золотом, а акциями Компании.

И вот, когда все было решено, когда «Глория» уже грузилась чуть ниже Тауэра по течению Темзы, вдруг без объяснения, без предупреждения эта недостойная Салли потребовала расчет. И даже не удосужилась объяснить почему. «Боюсь, и все тут. Не хочу в Индию, а хочу в Лондон!»

Регина готова была бросить ее в подвал и заковать в колод-

ки, но в доме сэра Уиттли подвал был полон капустой, копчеными окороками и прочими продуктами, да и колодок не нашлось. Регина хотела было пойти на крайнюю меру: глядя на наглое, круглое, мучнистое лицо желтоволосой горничной, она чуть было не позвала лакеев, чтобы Салли арестовали за попытку украсть... нет, разбить... нет, избить... Пока она искала предлог, время было потеряно. Вошел дворецкий Мартин, и при нем ничего не оставалось, как красивым и широким жестом указать Салли на дверь, даже не спросив ее, а что же случилось на самом деле.

Конечно, дело было не в климате. Дело заключалось в письме, которое пришло из Брайтона, где у нее жила тетка. Вроде бы и жила, но о ней Салли не помнила. А теперь эта тетка вознамерилась оставить Салли в наследство небольшой домик у моря и триста фунтов. Именно это говорилось в письме, которое принес и даже прочитал вслух странный джентльмен, весь в черном, курчавый, с проседью, похожий не то на грека, не то на цыгана и оказавшийся стряпчим. Отцу Салли он вручил подарок от сестры его покойной супруги – табакерку из чистого серебра, а Салли аванс – сорок фунтов чеком на Лондонский банк. Вот такая невероятная история случилась утром.

Конечно, пока курчавый джентльмен не передал письма, подарка и чека, в доме Салли его приняли с подозрением. Потом же он стал лучшим другом и советчиком. А совет его заключался в том, чтобы без нужды не рассказывать соседям

и знакомым о свалившемся с неба счастье. Отец согласился, и Салли согласилась. Потому и мямлила хозяйке, робея и краснея, о плохом климате в Индии и страхе перед морским путешествием.

Рассвирепевшая Регина потеряла контроль над собой, которым так гордилась. Салли была старой, привычной вещью, которая вдруг проявила склонность к предательству. Все равно как если бы кукла ушла в лес.

А откуда возьмешь горничную за неделю до отплытия? Конечно, можно отыскать воровку или шлюху... Порядочная девушка не отправится так вот, с бухты-баракты, через половину мира, в страшную Индию.

Регина отвернулась, чтобы не прощаться с Салли и не видеть больше этой круглой тупой рожи, но слышала, как шаги Салли и Мартина удаляются по коридору. Сама же она уставилась в зеркало, потому что ее взор был обращен вовнутрь.

Все еще преисполненная холодного бешенства и жалеющая о том, что она живет в этой проклятой Англии, а не в Индии, где она быстро отправила бы непокорную служанку к палачу или хотя бы выпороть на конюшню... Говорят, что в России до сих пор у дворян сохранилось такое благородное право и плебеи там знают свое место. Ах, почему она не родилась в могучей и справедливой России!

Услышав за приоткрытым окном взволнованные голоса, Регина подошла к окну и увидела экипаж ее свекра, въехавший в ворота дома. С первого взгляда Регине показалось,

что под влиянием разговора с горничной она сошла с ума – сэр Уиттли сидел рядом с молодой девушкой, а на подножке экипажа стоял молодой человек без шляпы, в разорванном синем сюртуке и поддерживал ту женщину, чтобы она не привалилась к сэру Джорджу.

Это кошмарное явление приближалось к дому, и, взглянув вниз, Регина увидела, как Мартин, сопровождаемый лакеями, кинулся вниз по лестнице, чтобы освободить экипаж от бесчувственного женского тела.

Что это? Какой-то несчастный случай? Но представить себе, что Уиттли остановится и подберет на улице пострадавшую, если она не герцогиня Кентская, было невозможно. А что, если это в самом деле знатная дама? Но, задавая себе этот риторический вопрос, Регина уже знала, что это не так, – ее острому взгляду и на таком расстоянии было видно, что женщина с окровавленным, распухшим лицом относится к низшим слоям общества.

Регина не спешила спуститься вниз, но, пока ее свекор беседовал на ступеньках лестницы с молодым человеком, помогавшим доставить в дом женщину, она его внимательно разглядывала. На первый взгляд молодой человек не был ничем примечателен, хотя высок и ладно сложен. Регине понравилось его открытое простодушное лицо и даже веснушки на переносице, столь легкомысленно выглядевшие на лице джентльмена, который, правда, и не пытался от них избавиться пудрой или белилами, как сделал бы щеголь из окру-

жения Регины Уиттли. Да и вообще лицо молодого человека было обветренным и загорелым, что выдавало в нем военного или моряка либо по крайней мере человека, проводящего свою жизнь на открытом воздухе. Таких людей в доме Уиттли принимали лишь по делу – они прибывали на кораблях из Ост-Индии или Вест-Индии. Такие люди служили Компании и дому. Мало кто из них поднимался высоко и становился гостем. Еще не наступила пора, когда крупные состояния делались в колониях. Пока что деньги ковались на бирже и на складах метрополии – служащие факторий и фортов чаще гибли от лихорадки и дизентерии, не успев разбогатеть, либо теряли все добро, когда очередной пират или корсар нападал на компанейский корабль, не спеша плывущий в Англию по Индийскому океану. Жизнь была игрой, и игроки на поле боя не выигрывали.

Наконец сэра Уиттли и молодой человек в сорочке, измазанной кровью, словно после дуэли на шпагах, проследовали в дом, что Регину удивило. Движимая любопытством, она вышла на лестничную площадку второго этажа и услышала, как Мартин с молодым человеком поднимаются по лестнице. После секундного раздумья Регина отправилась по лестнице вниз, рассчитывая встретиться с молодым человеком на половине лестницы, которая закруглялась, прижимаясь к белой стене, на которой были развешаны головы охотничьих трофеев времен буйной молодости сэра Уиттли: со стен скалились медведь, вепрь, бенгальский тигр и белый носорог –

чудовище невероятно редкое и почти неуловимое.

– Ах! – воскликнула Регина, которая якобы ничего не знала. – Что случилось? Кто вы? Что с вами?

– Простите, мэм, – ответил за молодого человека, скромно склонившего голову, дворецкий Мартин. – Но молодой господин по приглашению сэра Джорджа переоденется в комнате вашего супруга. В таком виде он не может появиться на улице.

– В комнате... моего мужа? – Размеренность возмущенных слов была рассчитана на молодого человека и Мартина. Они должны были понять, что лишь она, жена Джулиана Уиттли, может разрешить или не разрешить войти кому-то в гардеробную молодого господина.

Но сцены не получилось, потому что снизу, из холла, слышался голос сэра Уиттли, который обладал дьявольской способностью слышать чужие разговоры, даже если они велись тихим шепотом, и вмешиваться в них к собственной выгоде.

– Дорогая, – прогудел голос с верхней ступени лестницы. – Я позволил себе запустить Алекса к Джулиану в спальню – я не могу выпустить моего спасителя на улицу в растерзанном виде. Надеюсь, ты не возражаешь?

Регина молчала, переваривая слова свекра. Он назвал молодого человека Алексом, это означает, что тот либо достаточно близок к лорду, либо стоит на очень низкой ступеньке общественной лестницы – рядом с Мартином или кучером

Мэттью. Но одежда... одежда молодого человека скромна...

– Я рада быть вам полезной, – сказала Регина горловым голосом, воркующим, словно он доносился из голубиноного клюва.

Алекс так и назвал ее про себя голубкой. И в последующие недели она для него голубкой и останется.

Алекс не знал, что муж Регины Джулиан, впервые увидев Регину на лужайке для крикета в Райтлейне – имении эссекских Ланкастеров, представил ее именно голубкой, быстро, но притом сохраняя голубиную неспешность, выклевывающей невидимые зернышки в ярко-зеленой траве.

Регина всегда, с детства, была не толста, но по-голубиному округла, головка ее была мала по отношению к плотному, хоть и не лишенному талии телу, и Регина имела птичью манеру часто и быстро поворачивать клюв – острый небольшой носик, который легко краснел на холоде или на ветру. Лицо ее было миловидно, но в нем всегда присутствовала настороженность птички. Даже передвигалась она по-птичьи – мелко перебирая маленькими, но широкими в бедрах ножками, словно собираясь взлететь, но так никогда и не взлетев.

Но не птичья, а человеческая внешность Регины пленила молодого Уиттли и заставляла кружить возле нее поклонников, ибо у Регины были пышные и упругие груди и соответствующие им размерами и пышностью иные соблазнительные части тела. Ее грудям всегда было тесно – и под лифом, и под широким халатом. Даже если их удавалось надежно

спрятать от алчущих взглядов, стоило Регине глубоко вздохнуть, а она умела и любила глубоко вздыхать, груди ее вздымались, как крылья, требуя узды – желательно в виде мужской решительной руки. И в какую бы одежду она ни облачалась, окружающим виделось, что она обнажена.

Но это вовсе не означает, что Регина была рабыней своих бедер и своего бюста. Природа не наградила ее страстной натурой, и она долгое время не умела и не хотела пользоваться своей властью над мужчинами. В результате в шестнадцать лет она стала жертвой насилия дворецкого в доме ее отца, сэра Грейди. Нельзя сказать, что ласки этого грубого пожилого человека не доставляли ей удовольствия. Но она отлично могла без них обойтись, как обходилась, например, зимой без клубники. И когда, рассердившись на дворецкого, она призналась матери о том, что он с ней сделал, и дворецкого немедленно и тайно выгнали из дома, она не испытывала большой печали от этой разлуки с ним и возвращения в девственное состояние.

Позже, когда Регина начала выезжать, у нее появились поклонники, большей частью движимые похотью, но не имевшие серьезных намерений, потому что семейство Грейди было давно и основательно разорено, а Регина и три ее младшие сестры оставались последней ставкой в жизненной борьбе. Джулиан же, увидев Регину, сразу понял, что именно эта голубка станет его супругой, и, несмотря на отчаянное сопротивление сэра Джорджа, который понимал, что женитьба на

девице Грейди – удар по его финансовым планам, добился своего. Он ведь умел все делать тихой сапой – такой вот послушный мальчик, отличник, а всегда добивается своего.

Но сейчас он далеко, в Рангуне, это где-то на краю Ост-Индии, в Авском королевстве, а голубка Регина смотрит на окровавленного штурмана Алекса, и вид его и даже не выветрившийся еще запах крови вдруг заставляют ее ноздри раздуться, она глубоко вздыхает, и шнуровка корсета лопаются, позволив нежно-розовым грудям молодой госпожи показаться штурману...

Разумеется, громко ахнув, Регина бежит к себе, дворецкий Мартин, который знает о жизни дома Уиттли куда больше, чем полагают его хозяева, позволяет себе улыбнуться и, легко подтолкнув в плечо штурмана и как бы низводя до своего уровня, ведет его к гардеробной Джулиана Уиттли.

Глава 3

Как опасно быть горничной

Доктор Симкин давно собирался на покой и для того сокращал число своих пациентов. Чем более он их сокращал, тем большим спросом пользовались его услуги. Доктор, который отказывается лечить, ограничиваясь лишь узким кругом избранных, сразу становится нужен тем, кто в этот круг не попал.

Но сам-то доктор знал, что последним пациентом, от которого он откажется, будет сэр Уиттли. Доктор появился в этом доме безусым выпускником медицинской школы в качестве ассистента покойного Филиппа Нокса и с тех пор уже скоро сорок лет врачевал растущих, взрослеющих, стареющих и умирающих совершенно независимо от усилий медицины обитателей дома. Примирившись с тем, что природа сильнее врачебных потуг, доктор принял девиз: «Не навреди!», в чем преуспел. И потому наиболее удачно лечил отдыхом, постельным режимом и прогулками по парку.

Милая девчущка, попавшая под колеса экипажа сэра Уиттли, была для Симкина, за счет свисающих седых усов похожего на старого викинга, лишь еще одним примером того, насколько вреден сэр Джордж для окружающего человечества. Он был как бы антиподом Мидаса – все, чего он ка-

сался, превращалось в прах и гниль... За исключением собственности сэра Уиттли, которая этому закону не подчинялась и росла, как сказочная гора сокровищ. Этим, кстати, объяснялось упорство, с которым сэр Уиттли выпихивал в Ост-Индию свою невестку. Ему требовалось, чтобы она как можно скорее понесла от его сына, и тогда накопление сокровищ и власти семейства Уиттли найдет достойное оправдание. В том же, что Регина не родила за первые два года жизни в Мадрасе, он видел ее злонамеренную лень и нежелание помочь сэру Джорджу.

Зная семейство, так же как знал его дворецкий Мартин, Симкин испытывал к нему привязанность, но не любовь, подобно тому, как не знала любви Регина. В этом они были схожи. Но Симкин при своем равнодушии к окружающим был человеком добрым и даже отзывчивым. Скорее по привычке, чем от душевных движений, он покорно поднимался среди ночи и мог провести сутки у постели больного, стараясь притом облегчить его страдания. Этого нельзя было сказать о Регине. Она все еще была ребенком, для которого не обозначилась разница между людьми и игрушками.

Осмотрев пострадавшую девушку и приказав служанкам осторожно промыть раны, царапины и ссадины Дороти, потому что в них попала уличная грязь, он затем ее перевязал. Девушка пришла в себя и из слов доктора поняла, что она не дома и не в больнице, а в доме доброго милорда, который привез ее к себе из чувства сострадания. Это так напугало

Дороти, что она попыталась подняться и уйти домой, но рана в ноге была настолько серьезной и болезненной, что даже дойти до ночной посуды без помощи сиделки она не могла.

Седой, с проплешиной доктор, у которого была смешная манера доить свои длинные седые усы, спокойно наблюдал за попытками девушки, а затем сказал, что в любом случае ей следует три дня пролежать в кровати, именно в этой кровати, питаться бульоном и вареной курицей, а он, доктор Фредерик Симкин, будет навещать ее каждый день.

Он был добр, но строг, и тогда Дороти спросила, нельзя ли как-то сообщить о случившемся ее матери. Доктор взял на себя эту обязанность и, дав перед уходом снотворное, покинул девушку.

Сэра Джорджа и штурмана, переодетого в дорогой, но скромный сюртук и брюки Джулиана, доктор застал в библиотеке за аперитивом. Они оживленно беседовали о возможностях «Глории» и сути муссонов, ибо оба были людьми профессиональными и знали, что мореплавание и торговля в Ост-Индии – дело сложное и опасное, а легкомысленные щеголи или ленивые тупицы там в лучшем случае не уживаются. В Индии полезнее было быть мерзавцем, чем порядочным человеком, но выгоднее умником, чем дураком. Впрочем, эти правила куда в меньшей степени относились к морякам и офицерам Компании, если они не были одержимы жаждой обогащения.

Сэр Джордж предложил доктору рюмку портвейна и спросил, как себя чувствует девушка.

– Ей требуется покой, – сообщил доктор, зная, что вызывает этими словами неудовольствие лорда, но ему порой нравилось говорить лорду неприятные вещи, хотя бы потому, что сам лорд обожал говорить гадости окружающим.

– Пускай отдохнет до завтра, – усмехнулся Уиттли.

– Я полагаю, что ей следует три или четыре дня пробыть в постели. Рана на ноге, нанесенная вашей каретой, милорд, значительна и может опасно загноиться.

– Разве у нее нет своего дома?

– А у вас не хватает комнат? Или жалко миску куриного бульона?

– Доктор, доктор... – вздохнул Уиттли. – Я хотел только одного – вернуть эту крошку родителям, успокоить их...

– Ничего себе – спокойствие: получить искалеченного ребенка!

– Ну уж искалеченного! – Сэру Уиттли совсем не нравилось вести этот спор в присутствии молодого штурмана, но отступать было поздно.

– Рискните, – предложил доктор. – Пускай сюда явится ее отец с полицейским, а за ним пятьдесят репортеров.

Доктор отлично знал о нелюбви Уиттли к этой категории человечества и был уверен, что таким простым и тихим ходом он выиграл шахматную партию.

– Но через три дня вы гарантируете...

– Я не гарантирую, но обещаю постараться. Сейчас несчастная крошка заснула.

– Несчастливая крошка... – Уиттли с подозрением взглянул на доктора – не издевается ли тот. Доктор был совершенно серьезен.

– Я возьму на себя труд предупредить ее мать и успокоить ее, – смилостивился Симкин. – Но вы должны распорядиться, чтобы маму Дороти пустили сюда беспрепятственно.

Уиттли, уже сдавшийся и смирившийся с тремя днями возможных неудобств, обратил взор к камину, возле которого мог бы стоять Мартин, но тот ответил от двери в буфетную:

– Я все слышал, сэр.

Если бы супруга сэра Уиттли, столь безвременно почившая, была жива, она бы нашла, как всех поставить на место. Но, увы, Уиттли был одинок.

Вокруг были одни предатели, филантропы и пацифисты, но в окружении врагов Уиттли всегда предпочитал почетный плен благородной гибели. Поэтому, ничем не выразив недовольства, он повернулся к штурману и продолжил разговор.

– Мы посылаем два корабля, – сказал он. – Наибольшие надежды я возлагаю на «Глорию». Так как я сторонник прогресса, то убежден, что любое тяжелое орудие важнее роты солдат. И вообще машины... Еще рюмку кларета?.. Машины со временем заменят человека. Я еще доживу до того времени, когда машины Уатта поставят на фрегаты и те независи-

мо от погоды или противных ветров и штилей будут добираться до Индии менее чем за месяц.

– Но и вонь от них будет, – позволил себе улыбнуться штурман – горячий патриот парусного флота.

Сэр Уиттли не согласился с молодым собеседником.

– Сегодня, – сказал он, – мой кучер Мэттью попытался заглянуть в будущее и предположил, что через несколько лет Лондон погибнет, потому что по трети этажи будет завален конским навозом. Он представляет себе прогресс как накопление того, что имеется. Для меня же прогресс – это появление нового. И я боюсь, да, боюсь гибели Лондона! Но не от конского навоза, а от угольной сажи, так как не только печки города, но и все экипажи, все машины в нем будут работать силой пара и, соответственно, будут нещадно дымить.

Штурман поежился от такой страшной перспективы. Он не любил заглядывать в будущее и потому не претендовал ни на звание политика, ни на поприще великого человека.

Но последнюю фразу свекра услышала вошедшая в библиотеку Регина, появление которой должно было считаться совершенно случайным...

– Ой, простите, я не знала, что вы заняты, сэр!

Уиттли предпочел бы, чтобы его называли отцом или еще как-либо нежно, только не сэром, словно чужого. Но невестка его не любила. И ничего не могла с собой поделаться. Она была вежлива, ласкова, улыбчива, а сэр Уиттли порой просыпался ночью от кошмара – будто голубушка, голубица, горли-

да выклевывает ему глаза. И так странно это делает: раздвигает веки пальчиками, унизанными кольцами, а потом прицеливается аккуратненьким, твердым, как сталь, носиком. И – удар!

– Заходи, Реджи. – Лорд назвал ее нелюбимым именем. – Познакомься – твой спутник в многодневном пути Александр...

– Фредро.

– Алекс Фредро. Штурман «Глории». И не смотри, что он так молод.

Иностранец, поняла Регина. Слишком много иностранцев развелось в Англии в последнее время. Скоро не останется чистокровных англичан и страна превратится в индийскую помойку. Она сказала это вслух, конечно же, не в отношении к штурману, а как бы отвечая на последнее рассуждение свекра о золе и дыме, которые погубят Лондон.

– Мы скорее помрем от тех болезней и миазмов, которые сами ввозим в Англию, – сказала она. – Кому нужны доходы, если они влекут за собой вырождение и заразу?

Штурману показалось, что он видит перед собой птицу, покрытую перьями, округлую, которую хочется взять в обе ладони и почувствовать, как под перьями в тугом теле бьется быстрое сердце. Фарфоровые глаза голубки остановились на лице штурмана, но избегали его зрачков. Он не мог оторвать взора, хотя не должен был смотреть на нее – при виде этой птицы в мужчине сразу просыпался охотник, но не с луком

– такую добычу надо было ловить руками, только руками...

– Присаживайся с нами, Реджи, – сказал сэр Джордж. – У нас от тебя нет секретов.

– И на том спасибо, – откликнулась звонко Регина, и тут штурман почувствовал напряжение в отношениях родственников.

Беседа о предстоящем путешествии оборвалась, хоть Регина и была в курсе его целей и задач.

В ожидании, пока Мартин пригласит господ к ленчу, заговорили об утреннем происшествии.

– Кстати, – вспомнил сэр Джордж, – я бы миновал то место без приключений, если бы ко мне в экипаж не забрался неизвестный проходимец и не уговорил меня повернуть на Пикадилли, ибо меня якобы подстерегают сикхи, чтобы совершить покушение.

– Но кто он был? – удивился штурман.

– Какой-то грек. А может, и тамил – мало ли их... Маленький, курчавый.

Штурман тоже вспомнил о том, как пожилой джентльмен как бы направил его в ту точку, где оказался экипаж сэра Джорджа, но, конечно же, им не могло прийти в голову, что это мог быть один и тот же человек.

– Интересно, кто она, эта девица? – спросила Регина, наконец-то встретив взгляд штурмана и смутив его еще более.

За ленчем разговор продолжался и сэр Джордж заявил, что, по его сведениям, в столице есть профессиональные

проходимцы, которые нарочно кидаются под кареты, чтобы получить компенсацию. По завершении этой филиппики Мартин, бывший в столовой, позволил себе сообщить обществу, что только что прибежала мать девушки, которая еще находится у нее. Мартин счел своим долгом вкратце поговорить с ней и узнал, что она – вдова, воспитывающая двоих детей, потому что ее муж, бывший боцман флота Его Величества и бывший лесник королевских лесов, был убит браконьерами. Миссис Форест живет тем, что изготавливает шляпы, и считается отменной мастерицей, в чем ей помогает и Дороти. В этих нескольких фразах Мартин, как и многие простые люди, очарованный скромной гордостью миссис Форест, попытался вызвать в господах сочувствие к судьбе несчастного семейства, однако ему и не надо было этого делать. Штурман Фредро провел молодость в лишениях и сиротстве и сразу почувствовал симпатию к пострадавшей девушке, а сэр Уиттли, узнав, что ее покойный отец был боцманом на флоте, сразу вычеркнул девушку из числа проходимок и попрошаек, а услышав, что тот был убит браконьерами, проникся к Дороти отцовскими чувствами хотя бы потому, что недавно браконьеры совершили нападение на лес, принадлежавший сэру Джорджу (как раз перед охотой, на которую он пригласил знатных знакомых), и истребили всех косуль, которые были предназначены в жертву...

– Где он был лесником?

– В графстве Кент, – ответил Мартин, который этого не

знал, но полагал, что лучше ответить сразу, чем задуматься и вызвать недовольство хозяина.

– Так я и думал! – воскликнул Уиттли.

Разумеется, лес Уиттли располагался именно в графстве Кент.

– Я попрошу, – сказал Уиттли Мартину, – чтобы перед ее отбытием домой девушку привели ко мне. Я намерен сделать ей подарок. А также подготовьте десять фунтов для передачи ее матери. Вы говорите, что она женщина примерного поведения?

– Безусловно, милорд.

– Двадцать фунтов. Мы должны делиться с теми, кто страдает ради нас и из-за нас.

Ничего невероятного в этом не было, так как сэр Джордж при всех своих отрицательных качествах до пожилых лет сохранил сентиментальность и в сегодняшнем событии усмотрел перст судьбы, указующий ему на необходимость более думать о Боге, нежели о суете земной.

Довольный Мартин склонил голову, а голубка спросила:

– Сколько ей лет?

– Если не ошибаюсь, семнадцать, мэм.

– Значит... она из приличной семьи?

– Вот именно.

– Умеет ли она шить?

– Без сомнения.

– Я навещу ее, – сказала Регина. – Как только ей станет

получше. Я полагаю, что смогу дать ей подработать – мне перед отъездом надо привести в порядок гардероб.

Как разумная и не склонная к расточительности женщина, Регина не намеревалась удивлять Рангун или Калькутту модными лондонскими туалетами. И, если нужно, она сможет заказать себе новое платье и в Индии, где к этому есть все возможности. Но привести в порядок то, что намерена везти из Лондона, не мешало. Возможно, скромная и не избалованная заказчиками девушка окажется полезной.

Более за ленчем о девушке не вспоминали, потому что разговор перешел к предстоящему путешествию. Алекс был напряжен – он робел перед лордом и притом боялся, что миссис Уиттли-джуниор глубоко вздохнет, и тогда корсет разлетится в клочья и розовые шары ее бюста покажутся на свет, как головы вынырывающих из морской глубины лысых пловцов.

Он боялся этого и надеялся на это...

Ему предстояло провести с этой женщиной на борту «Глории» несколько недель. И, как известно, каюты офицеров корабля расположены на корме, под каютами капитана, и мадам Уиттли может отказаться от плавания, сославшись на болезнь.

И тут же штурман отогнал эту мысль и попытался пошутить над таким мальчишеством. И случилось чудо: как только Регина покинула их и оставила докуривать трубки, он сразу вырвался из-под ее влияния. Осталось лишь чувство

тревоги.

Еще через полчаса штурман с некоторым облегчением откланялся, но получил приглашение на обед в будущий четверг, на котором будут капитан Фицпатрик и несколько посвященных в планы Уиттли членов совета директоров. Это означало высокую степень доверия к Алексу, и тот был польщен.

* * *

Утром следующего дня Дороти навестила молодая хозяйка дома. Она была любезна с девушкой, хотя сначала испугалась, увидев, как вспухла и посинела правая сторона ее лица, а глаз заплыл. Правда, Мэри-Энн, которая приходила рано, чтобы самой покормить дочку, причесала Дороти, умыла ее, и после первого отвращения, которое Регина испытывала к старости, уродству, боли, крови, она смогла пересилить себя, а когда Дороти заговорила, стараясь оборачивать к госпоже левую, здоровую половину лица, Регина отметила для себя, что речь девушки была вполне приличной для ее круга, без этого дикого простонародного умения сжевать половину букв, к тому же в ней Регина угадала не только милость, но и умение держать себя, что происходит обычно от строгого воспитания. Госпожа Уиттли присела на стул у кровати Дороти, благо у нее не было настроения с утра заниматься хозяйственными делами, и устроила Дороти мяг-

кий, конечно, как будто вольный допрос и разузнала о ней все – от романа боцмана с «Энтерпрайза» и азиатской девицы, которую он, можно сказать, оболостил, правда, с ее согласия, когда болел лихорадкой в городе Амарапуре, куда был направлен сопровождать посольство майора Саймса. В этой истории было много неясного даже для самой Дороти, потому что получилось, что Мэри-Энн была как бы сиделкой при отце, а потом благородный майор Саймс, прошедший со своим посольством много месяцев при дворе в Амарапуре, благословил брак боцмана с местной девицей, а король Авы дал на то согласие, также проявляя этим добрую волю.

Возможно, дама с иным воспитанием и жизненным опытом, нежели госпожа Уиттли, восприняла бы рассказ девушки как чистой воды вымысел и с гневом разоблачила бы рассказчицу. Но ничего подобного не произошло – Регина поверила всему, потому что прожила достаточно в Ост-Индии, чтобы понять, что наиболее маловероятным в этой истории было то, что боцман Форест обвенчался с ост-индской девицей, а не то, что привез ее на военном корабле домой. Корабль принадлежал Ост-Индской компании, дальнейшее зависело от благорасположения капитана или иного руководящего лица. Регину судьба сталкивала в Калькутте с майором Саймсом, и она знала, насколько этот образованный и бесстрашный джентльмен добр, внимателен и даже деликатен, когда дело касается окружающих. Любой большой корабль нес на своем борту не только команду, но и пассажиров, а

также зачастую семьи офицеров, не говоря уж о всевозможной живности – от кур до коров, дабы обеспечить свежим мясом команду, слуг и челядь джентльменов, и даже оркестр, если капитан был меломаном. Так что ясно: от одной лишней женщины мир не перевернется.

Разумеется, Регину несколько огорчило, что такая воспитанная девушка оказалась полукровкой, как бы беспородной собачкой, но под божьим небом все имеют право на жизнь. Значительно большее впечатление на молодую госпожу произвело то, что Дороти умела читать и писать – сама она делала это с трудом, хотя восемь лет провела в школе для благородных девиц, но так получилось, что для собственного удовольствия госпожа Уиттли не прочла ни одной книжки.

Вечером, когда с кратким визитом в комнату к Дороти прибыл сам сэр Джордж, который, оказывается, не только был близко знаком с сэром Майклом Саймсом, но и посещал его в доме на Уелбек-стрит, где он как раз завершает большой иллюстрированный труд «Посольство в Аву», выхода которого с нетерпением ждут все любители путешествий и дальних стран, а также специалисты, размышляющие о дальнейших судьбах Британской империи.

При этих словах сэр Джордж снисходительно и устало усмехнулся, и Дороти поняла, что именно он относится к таким персонам и посещал Саймса с политическими, может быть, тайными целями.

На следующее утро прачка принесла одежду Дороти, и та,

отказавшись от услуг матери, да и соскучившись уже лежать в постели, попросила иголку и ниток и принялась сама зашивать и приводить в порядок свое порванное платье и белье, а когда Регина пришла со следующим визитом, она смогла оценить быстроту и ловкость пальчиков Дороти. Та же, плененная голубыми глазами и глубиной воркующего голоса миледи, уже старалась произвести на Регину хорошее впечатление. В результате разговор кончился тем, что, еще не поднявшись с кровати, Дороти получила от госпожи ее любимую широкополую шляпу, поврежденную сильным порывом ветра в прошлое воскресенье. Вскоре пришла с гостинцами мать и привела Майкла, робевшего в громадном доме. Она хотела отнять у дочери шляпу, чтобы самой кончить работу, опасаясь, как бы та не испортила такое высокое произведение шляпного искусства.

В момент спора дочери с матерью вновь заглянула Регина, планы которой относительно Дороти все ширились, и быстро утихомирила спор, принеся еще две свои шляпы, так что теперь все семейство Форестов было при деле. И когда сэр Уиттли вновь посетил свой госпиталь, то он обнаружил комнату полной народом; оттуда доносились женский смех, щебет, и, остановившись в дверях, сэр Уиттли не мог не залюбоваться этой мирной, будто сошедшей с полотна голландского художника, сценой: три красивые женщины – Регина, Дороти и Мэри-Энн – столь естественно и непринужденно занимались своими делами, что Уиттли вдруг загрузил от-

того, что он уже не так молод, что может лишь купить, но не получить в подарок любовь какой-то из таких женщин, и, впрочем, за двадцатилетнюю жизнь со скончавшейся от дизентерии в Мадрасе леди Уиттли он ни разу не услышал, чтобы она позволила себе беззаботно рассмеяться. А оказывается – невестка может!

– Я не буду мешать, не буду, – отступая из комнаты, произнес Уиттли, ибо в комнате воцарилась тишина.

Он столкнулся глазами со взором Мэри-Энн и вдруг, словно потеряв на минуту сознание, окунулся в такую давнюю, пряную и влажную ночь, что звезды раскачивались на небе. Ма Лин глядела на него именно так, а свет свечей вспыхивал искорками авантюрина в ее шоколадных глазах. Почему она всегда молчала? Она же любила его, но всегда молчала...

– Простите. – Уиттли пришел в себя и вышел, закрыв за собой дверь так резко, словно женщины, бывшие в комнате, были в чем-то виноваты.

Через два дня доктор Симкин разрешил перевезти Дороти домой. Мартин, за отсутствием дома хозяина, распорядился отослать девушку домой на разъездной карете, полагая, что никто его за это не укорит.

Когда Дороти собиралась в дорогу и доктор Симкин осторожно перебинтовывал ей бедро, Регина без стука вошла в комнату, остановилась, опершись о косяк двери, и внимательно глядела, как трудится доктор. Она впервые увиде-

ла свою нечаянную жиличку обнаженной, худенькой, почти костлявой, но обещающей расцвести в ближайшие годы.

– Так бы и уехала, не попрощавшись, – сказала она укоризненно.

– Я бы обязательно зашла к вам, – без робости ответила Дороти.

– Надеюсь. – Фарфоровые глаза смотрели холодно и обиженно. – Но сомневаюсь.

– Поднимайтесь, поднимайтесь, – приказал доктор. – Не давит? Можете ходить?

– Конечно, доктор! Большое спасибо, доктор.

– И не больно?

– Нет, доктор.

Чуть прихрамывая, Дороти сделала три шага и подошла поближе к Регине. Щека ее почти зажила, остались лишь струпья от ссадины. Регина любовалась девочкой.

– Ты уверяла меня, что мечтаешь о путешествиях, – сказала она.

– Вы же знаете, миледи, что это именно так, – ответила Дороти.

Со стороны разговор не нес в себе особого смысла, но для собеседниц он был подведением итогов тех нескольких дней, что они провели в одном доме.

– Значит, ты согласна?

– Спасибо, мэм, – ответила Дороти.

– Не испугаешься и не сбежишь?

– Вы же знаете, мэм.

– «Глория» отплывает через восемь дней.

– Я знаю.

– Я надеюсь, что ты будешь мне хорошо служить.

– Да, мэм.

– Тогда собирайся, я скажу об этом сэру Джорджу и надеюсь, что он одобрит мой выбор. А детали... Жалованье, подарки...

– Не надо говорить об этом сейчас.

– Ты права, Дороти.

Когда вечером, перед обедом с директорами Компании, Регина сказала свекру, что Дороти согласилась отплыть с ней в Рангун в качестве ее горничной, старый Уиттли пригладил офицерские пышные усы и сказал:

– Мы не можем заглянуть в будущее, Реджи. Но я надеюсь, что ты сделала хороший выбор.

Конечно, не дело столь высоких персон обсуждать кандидатуру горничной для невестки, но здесь был особый случай.

– Вот штурман Алекс удивится, – сказала Регина и засмеялась – словно зазвенела серебряным надтреснутым колокольчиком.

И сэр Уиттли тоже засмеялся.

* * *

На обеде, приглашения на который удостоился и моло-

дой штурман Фредро, к которому расположился сэр Уиттли, присутствовали капитан «Глории» Алан Фицпатрик, старший офицер корабля Хирам Крокс, сухой и невыразительный служака, однако накопивший за многолетнюю службу в Компании средства, позволявшие ему быть заметным ее вкладчиком, и рассчитывавший, выйдя в отставку, претендовать на место в совете директоров. Остальных Алекс не знал, хотя когда-то встречал, например, он видел издали, но не был представлен капитану «Дредноута», линейного корабля, списанного из королевского флота, еще крепкого и, главное, вместительного семидесятипушечного гиганта. К сожалению, Адмиралтейство в тот момент не могло помочь Компании, потому что каждое судно было на счету – разгром французского флота у мыса Сан-Вицент и Нильская победа Нельсона еще не означали конца войны. Испанцы и французы собирали силы для новых ударов, а мираж завоевания Наполеоном всей Османской империи, от Каира до Стамбула, оставался страшным жупелом для Великобритании.

– «Дредноут» вместителен, – говорил похожий на рождественского Санта-Клауса лорд Вудкастл, генерал, воевавший еще с Клайдом против французского адмирала Дюпле. – И нужен нам скорее как транспортное судно. В Портсмуте мы грузим на него роту шотландских стрелков, а полк сипаев заберем в Мадрасе. Пушки сгружаем в Рангуне. Вместе с той артиллерией и запасом пороха, который будет на «Глории», операция должна пройти просто и быстро.

– Но он будет ползти по океану года три, – возразил капитан Фицпатрик.

– Не думаю, что мы отстанем от «Глории», – обиделся капитан «Дредноута».

– Чем обладает ваш сын? – спросил Чарльз Дункан, вице-президент компании, обращаясь к Уиттли.

Все присутствующие отдавали должное сэру Джорджу, понимая, что идея неожиданного захвата Рангуна и, возможно, самой Амарapura была именно им пробита в Компании и при дворе. Конечно, очень не вовремя началась война с Францией, но сейчас, когда стоял вопрос о защите своих факторий и индийских владений от осмелевших французов и голландцев, Уиттли все же убедил короля Георга в проведении секретной операции в Бенгальском заливе.

– Король Авы Баджидо выжил из ума, – говорил он у короля и повторил сейчас. – Не сегодня-завтра его царство развалится, потому что монеты из южных городов, присоединенные к Авскому королевству столь недавно, кипят мстью и мечтают восстать. Они готовы на союз с дьяволом, то есть с нами. Баджидо собрался в идиотский, обреченный на провал поход против Сиама. Мы не имеем права не подобрать яблоко, которое падает к нам в руки. И если мы не сделаем этого...

– Это сделают французы, – с доброй улыбкой произнес рождественский дедушка Вудкастл. Говорят, даже через сто лет после его смерти индийские матери рисовали на земле

похожие на сабли усы, если дети их не слушались, – такова была мрачная память, оставленная дедушкой в Бенгалии и Хайдарабаде.

– Поэтому, несмотря на сложность международной обстановки...

– Не надо нас учить, Джордж, – сказал Чарльз Дункан. – Лучше обсудим детали путешествия со специалистами.

И он обернулся к приглашенным на разговор морякам.

Молодой штурман пошел на нарушение собственных принципов и завился перед визитом к сэру Уиттли, надеясь, что к ужину выйдет и сама знатная пассажирка «Глории». Так и случилось.

Она вежливо поздоровалась со штурманом, ни голубым взглядом, ни прикосновением не выделив его из числа прочих гостей. И сразу после ужина извинилась и ушла, сославшись на усталость.

За столом она, правда, уставшей не казалась и оживленно вспоминала со старым дамским угодником Фицпатриком какие-то калькуттские истории, потом по просьбе Вудкастла велела принести письмо от Джулиана, которое прочел вслух ее отец. Разумеется, в письме жене фактор в Рангуне не мог делиться компанейскими секретами, но некоторые детали тамошней жизни и соперничества с укоренившимися в Рангуне армянскими купцами присутствующих позабавили.

Вернувшись домой, расстроенный штурман тщательно вымыл голову, и искусственные завитки исчезли. Так-то луч-

ше. Кесарю – кесарево...

* * *

Мэри-Энн не хотела отпускать дочь, хоть в этом нежелании была обреченность.

– Мама, ты знаешь, что я уеду, – сказала Дороти тихо в первый же вечер по возвращении домой.

– Я бы тоже поехал, – сказал Майкл.

– Помолчи! – Мать сорвала на нем раздражение. Она была бессильна хотя бы потому, что сама мечтала забрать детей и вернуться домой, за океан. Кто возьмет ее? Откуда у нее могут быть такие деньги? А помнят ли ее там? Кому нужна презируемая беглянка, изменившая вере отцов и языку матери? Пока был жив муж, он мог заполнить собой ее жизнь настолько, что и вера отцов, и память о солнце, о повозке, запряженной буйволом, о доме на невысоких сваях, о голубых горах, откуда ночью доносится рык тигра, – все это было не главным. Она была женщиной английского боцмана и английского лесника, она родила ему лучших в мире детей, она хотела прожить с ним долгую-долгую, бесконечную жизнь.

А теперь? Теперь она жила ради детей, а то бы добровольно ушла в мир бесконечных перерождений, чтобы возникнуть вновь на этом свете жалким червяком, недостойным того, чтобы видеть солнце... У нее оставалась вера в сказку: вот придет какой-то человек – она даже не представляла, кто

он, даже не зная, на каком языке заговорит он с ней, – и скажет: волей добрых натов я возвращаю тебя на землю отцов...

Она мечтала о том, чтобы хотя бы Дороти, в которой она видела продолжение себя самой, вырвется из этой чужой и холодной страны и увидит свою бабушку... Жива ли она еще?

Так почему же она сейчас так набросилась на дочь?

Ни Дороти, ни Майкл не понимали, конечно, что это – черная зависть к той, кому досталось высшее счастье, а она не способна его оценить. За последние дни Мэри-Энн не раз была на грани того, чтобы кинуться в ноги госпоже Уиттли и вымолить у нее согласие, чтобы она взяла горничной не Дороти, а ее саму. И понимала она, насколько жестоко и бессмысленно бросить детей в Лондоне, если никого из родных у них не осталось. И знала она, что Регина не возьмет с собой женщину, с ее точки зрения, немолодую, но как она завидовала Дороти.

Потом Мэри-Энн стала плакать и, выплакавшись, просила у дочки прощения, а рассудительный Майкл, который хотел их помирить, сказал:

– Ты должна понимать, Дора, каково нам с мамой без тебя. А если ты утонешь или попадешь в плен к пиратам?

– Я вернусь, – сказала Дороти, садясь рядом с мамой на продавленный диван и обнимая ее. – Вы же знаете, что я обязательно к вам вернусь, потому что вы самые дорогие для меня люди на свете. Но я же не могу отказаться от шанса,

который дает мне Господь. Я вижу в этом указание свыше.

Мэри-Энн согласилась с дочерью – разумеется, стечение обстоятельств было странным и навевало мысль об управляющей событиями судьбе.

Между тем госпожа Уиттли не оставляла Дороти в покое – приближалось время отплытия. А так как при ревизии гардероба, при покупке и пригонке новой одежды Регине постоянно требовалась помощница, Дороти целыми днями пропадала в доме Уиттли, и уже на третий-четвертый день Регина поняла, что привыкнет к Дороти, все хорошевшей по мере того, как заживали ее раны и ссадины. Первые дни она ходила в дом Уиттли с палочкой, а потом оставила ее дома. Разок она встретила сэра Джорджа в охотничьем костюме и тирольской шляпе, и тот ей обрадовался, словно она была его Галатеей – словно он ее создал и спас от увечий. Ведь если беда кончается хорошо, то ты уже не сердишься на того, кого так обидел. Разумеется, с точки зрения сэра Джорджа, девушка далеко уступала привлекательностью матери. Уиттли всегда влекло к особам экзотическим, страстным, в движениях которых ощущалась грация пантеры, – такой ему и казалась мирная и погруженная в заботы Мэри-Энн. Уиттли догадывался, что ее скромность и застенчивость – лишь внешний слой природы, под ним кипят страсти. И если бы ему повезло оказаться в доме Форестов в тот момент, когда мать закатывала дочери сцены ревности из-за отплытия той на «Глории», Уиттли потер бы широкие ладони и сказал: «А о чем

я предупреждал вас, господа?»

– Как себя чувствуешь, птичка? – спросил сэр Джордж, любуясь чуть прихрамывающей ланью.

– Спасибо, сэр, хорошо.

– Как здоровье твоей матери?

– Она здорова, сэр.

– Разумеется, здорова, – недовольно проворчал сэр Джордж, как будто хотел спросить нечто совсем иное и получить иной ответ. – Ну иди, иди, – произнес сэр Уиттли.

Самого же хозяина дома ожидал в библиотеке неприятный ему, но нужный отставной полковник Блекберри, человек столь незаметного вида и незначительных умственных способностей, что все остальное в нем было загадкой: как он стал полковником, не имея ни протекции, ни талантов? Но, рассуждая так, Уиттли понимал, что полковник Блекберри силен именно своей незаметностью. Говорили, что его умение перевоплощаться было невероятным и основывалось только на одном – этот маленький человек с узким серьезным лицом, светлыми глазами в белых ресницах и серой кожей мог потеряться в любой толпе, мог, чуть подкрасив брови и ресницы и не трогая даже темно-серых волос, сойти за кого угодно – от китайца до эскимоса, и именно в такой роли был особенно полезен Его Величеству. Сейчас же он был приглашен правлением Компании для того, чтобы сопровождать секретные грузы на «Глории», и главное, как он сам сказал, вежливо сидя на краешке кресла:

– Главное – что никто в Рангуне не должен знать о содержимом трюмов «Глории» и «Дредноута». Даже служащие Компании.

– Почему вы говорите это мне, полковник? – удивился сэр Джордж.

– Мы проверяем всех, даже слуг.

– Так и проверяйте. В вашем распоряжении двести матросов и более сотни солдат.

– Ни один из них не был связан с Ост-Индией.

– Ах, не говорите мне о том, какие бывают связи, – отмахнулся Уиттли.

– Мне приходилось встречать предателей в самой что ни на есть респектабельной оболочке.

Директор службы безопасности Компании вздохнул устало и понимающе: если бы не он и не подобные ему тихие незаметные люди, сколько битв было бы проиграно, сколько лишних жертв было бы принесено на алтарь Отечества.

– Ни один солдат, ни один матрос не знает, куда и зачем отправляется эскадра. И если они не знают, то не могут проговориться – их нельзя подкупить или запугать.

– Тогда подозревайте меня, полковник.

– Скорее я заподозрю вас, – осторожно заметил полковник.

– Действительно?

– Разумеется, вы знаете о наших планах, вас можно купить.

– Вы серьезно?

– Если бы я думал серьезно, я бы не согласился сотрудничать с вами. Но вы инициатор плавания и экспедиции. Думаю, вам нет смысла ставить ее под угрозу.

– Кто бы мне заплатил такие деньги? – криво усмехнулся Уиттли, который не любил сомнительных шуток.

– Вы знаете, какая вас может ждать добыча. Но пока она в чужих руках. А значит, что владелец копей богаче вас и может кого-то купить.

– Но кого? И как он сюда доберется?

– Уважаемый милорд, – устало и тихо, голосом сотрудников безопасности всех времен и народов, произнес полковник Блекберри, – современный нам мир, в отличие от того наивного и первобытного мира двухсотлетней давности, связан воедино узами мировой цивилизации. По моим сведениям, сейчас завершается строительство собора Святого Фомы на острове Тернате, завтра будет бал в форте Святого Георгия в Мадрасе по случаю дня рождения генерала Бриттена, а чуть позже из Макао отходит каррак в Панаму, который будут поджидать на пути по крайней мере шесть пиратов и корсаров, Соединенные Штаты Северной Америки объединяют свои силы с французами в Квебеке, а русский адмирал Ушаков, обогнав Нельсона, который никак не вылезет из кровати леди Гамильтон, послал отряд для взятия Рима...

– Прекратите! – рявкнул покрасневший Уиттли.

Он сам не знал, что его разозлило более всего – нетактич-

ное упоминание в устах полковника имени леди Гамильтон либо его тихий поучительный тон.

Полковник склонил голову и молча разглядывал свои обгрызенные ногти.

– Почему вы пришли именно ко мне? – спросил сэр Джордж.

– Ваша невестка...

– Надеюсь, вы ее не подозреваете?

– Господин Уиттли, я имею цель охранять интересы Компании и ваши лично. Когда я говорил о том, что события в нашем мире связаны войной и торговлей, я имел в виду, что подданные Его Величества несут нелегкую службу по всему земному шару. Но это не значит, что наши враги не имеют таких же возможностей.

– Я не держу дома французских или индийских шпионов.

– Я могу назвать по крайней мере две кандидатуры, которые вызывают во мне подозрение.

– Давайте, полковник. Послушаем вас.

– Во-первых, я попросил бы снять с рейса штурмана Александра Фредро.

– Не говорите глупостей. Я полностью доверяю ему.

– Доверяете, потому что не проверяли. А мы проверяли.

– И что же выкопали ваши ищейки?

– Александр Фредро – поляк.

– Всемогущий господь! Он же никогда не скрывал этого!

Но его мать была шотландкой.

– Мало того, что его отец участвовал во всех войнах Польши против нашего союзника – России, начиная с семьдесят третьего года, но он погиб во время последней из войн – пять лет назад. А ваш Фредро в тот момент...

– В тот момент Александр командовал небольшой британской шхуной, на которой удалось вывезти из Данцига несколько десятков повстанцев, и этот поступок мы ставим ему в заслугу. Детство же и молодость он провел в Британии и служил на британском флоте.

– Как ни перекрашивай волка, ягненка не получится, – возразил полковник, разочарованный тем, что не смог даже удивить Уиттли.

– И учтите, – продолжал сэр Джордж, – лучше штурмана, чем Алекс, у меня нет. Он штурман милостью божьей. В двадцать восемь лет я доверил ему «Глорию», и ни один из старых капитанов не вспомнил, что Алекс – паршивый иностранец.

Полковник Блекберри скромно и настойчиво посмотрел на сэра Джорджа, и тот в его взгляде прочитал ответ.

Конечно, полковник не учитывал глубокого внутреннего презрения, которое питают сильные мира сего к собственным же слугам, которые выполняют грязную работу, но делают это с энтузиазмом, выпячивая свою роль и показывая всем своим видом, что и могильщики, и палачи на нашем свете необходимы. И чем более говорил полковник, тем больше в глазах сэра Джорджа библиотека наполнялась се-

рой тоскливой пылью, сквозь которую он все хуже видел своего собеседника, и каждое его слово вызывало у Уиттли унылое раздражение.

– Мой долг – предупредить вас, – продолжал полковник. – Поляки сейчас ищут союза с Францией, заигрывают с их тираном Бонапартом, надеясь, что это – единственная держава, желающая вернуть им независимость и способная на это. Есть ли у вас гарантия, что штурман Фредро не посадит ваш корабль на камни возле острова Бурбон?

– Реюньон, – поправил разведчика Уиттли, – он переименован Французской республикой.

– Вот видите! – Полковник произнес это так, словно наконец-то уличил Алекса в измене.

– О штурмане мы разговор закончили.

– Но я буду следить за ним!

– Ваша воля.

– И я бы на вашем месте оставил его дома. Для менее важного плавания.

– Сколько раз вам повторять, что мне нужны хорошие капитаны и штурманы, а не угодные вам болванчики!

– Хорошо, – сдался полковник. Но сдача носила чисто формальный характер. Уиттли подумал: он похож на сдавшего шпагу противника, который тут же побежит в каземат, чтобы вытащить из-под соломы новую шпагу. – Но штурман Алекс – не единственный подозреваемый, – сказал полковник.

Уиттли только собрался попрощаться с визитером, но был вынужден выслушивать новые подозрения и доносы.

– Ваша невестка взяла на работу новую горничную и собирается тащить ее в Ост-Индию.

– Ну и слава богу. Эта несносная женщина пропилила мне всю лысину, пока не смогла отыскать хорошую горничную. Вы не представляете, насколько эта проблема важна для женщины. Я и сам, когда служил в Индии, порой шагу не мог ступить без Мартина, он у меня теперь дворецкий.

– Эта девица родом из Ост-Индии.

– Ничего подобного, – уверенно возразил Уиттли. – Ее мать была привезена боцманом Форестом много лет назад и всю жизнь провела в Лондоне. Будучи несчастной вдовой, она не вышла больше замуж, а посвятила всю жизнь воспитанию детей. Как только у вас поворачивается язык облить грязью такую достойную женщину! Не говоря уж о ее дочери – дочери слуги короля, отдавшего за него свою жизнь!

Тут сэр Джордж вскочил и замер над креслом, в котором сидел полковник, как бы предлагая тому приподняться, чтобы удобнее схватить его за лацканы сюртука и выбросить из дома.

– Так называемая Мэри-Энн Форест, – тихо произнес полковник, – была захвачена Форестом в Аве, когда он входил в экспедицию майора Саймса в Рангуне. Понимаете – в Рангуне!

– Плохо работают ваши люди, полковник, – вдруг рассме-

ялся Уиттли. – Даже я, не копаясь в прошлом, знаю, что боцман Форест был в составе миссии майора Саймса, а Мэри-Энн ухаживала за ним, относясь к одному из лучших семейств и будучи подготовленной к восточной медицине сестрой милосердия. Так что позвольте оставить ваши вымыслы без внимания.

На этом ему удалось вытолкать из дому полковника Блекберри. Уиттли налил себе полный бокал портвейна, хотя доктор запретил ему перегружать себя тяжелыми винами, и выпил его. Он был выведен из себя этим полковником. И не потому, что сам был противником осторожности, а потому, что в этом допросе сквозило недоверие к нему самому, сэру Уиттли!

Когда полковник докладывал о неутешительных результатах переговоров с сэром Уиттли сэру Чарльзу Дункану, первому вице-президенту Компании, тот сказал:

– Я полностью доверяюсь мнению сэра Уиттли. В конце концов, это его идея, его деньги и его сын.

Полковник поклонился, но не сдался.

Он был похож на тонкую березку, выросшую у подножия круглой массивной скалы, каковой и казался сэр Дункан.

– Меня не оставляет беспокойство, сэр, – произнес он упрямым шепотом, – потому что сэр Уиттли – лишь часть Компании, такая же часть, как я и вы. Интересы ее каждый из нас должен ставить выше интересов семейных.

– Пожалуй, вы не правы, полковник, – возразил Дункан.

Он был так грузен, что каждое слово давалось ему лишь после дополнительного вздоха. – Каждый из нас обязан знать свое место. Ваше место ниже, нежели место сэра Уиттли.

– Разумеется, – согласился полковник.

– Однако именно вы отплываете на «Глории», и у вас будут все возможности наблюдать за персонами, вызывающими у вас подозрения.

– Может быть поздно, – упрямылся полковник.

– Что же делать? Я не намерен спорить с Уиттли по пустякам.

– Я все понял, – сказал полковник.

И Чарльз Дункан догадался, что с самого начала полковник пришел к нему со своим планом, который готов был изложить, найдя в Дункане союзника. Не найдя, он отказался от желания делиться планами, но не от самих планов.

* * *

Вернувшись к себе в номер в пятницу после целого дня работы на «Глории» и намереваясь сообщить хозяйке, что завтра переедет в свою каюту на корабле, чтобы не платить более за номер, Алекс был удивлен, когда хозяйка сказала ему, что днем к нему приходили каких-то два джентльмена строгого вида, которые сказали, что принесли штурману письмо от капитана корабля и должны передать письмо ему в руки. Потому она проводила их наверх, в комнату, и они

там просидели часа полтора, но, не дождавшись, ушли очень сердитые.

– Как же можно! А если это были жулики? – удивился штурман.

– Нет, – твердо заявила мадам Брунулески, почесывая усики, – это не могли быть жулики, потому что это были солидные люди. Я узнаю жуликов с первого взгляда.

Штурман махнул рукой и взбежал по лестнице в свой номер.

Даже если бы хозяйка гостиницы не сказала ему, что у него были посетители, он бы быстро определил это сам. Ожидая его, джентльмены строгого вида не теряли времени даром, они тщательно обыскали комнату, раскрыли сундук штурмана, проверили всю его одежду, в некоторых местах даже подпороли подкладку, а в сундуке искали двойное дно – фанерная обшивка была отодрана и кое-где лопнула. Обыскивая комнату, джентльмены не очень старались замести следы, но сделали в этом направлении некие условные потуги. На дне сундука лежал плоский кожаный портфель штурмана, в котором хранились некоторые нужные, а то и дорогие сердцу бумаги – нет, не деньги, а завещание отца, письма матери, диплом штурманской школы с висячей свинцовой печатью и записки от одной особы, имя которой не имеет отношения к нашей повести. Были там и еще кое-какие бумаги, но штурман сам не помнил – то ли счета, то ли деловые записки, впрочем, ничего крайне важного. Так

вот, портфель исчез. Некоторое время, стоя посреди комнаты, Алекс тупо пытался вспомнить, были ли в портфеле деньги. Нет, их не было и быть не могло, потому что сбережения штурмана хранились в банке Ост-Индской компании, да и деньги это были малые. Большую часть отсылал домой, в Польшу, сестрам.

Что же искали эти джентльмены?

После некоторых размышлений Алекс пришел к выводу, что в его номере побывали русские агенты, которые искали, нет ли в сундуке или где-то в номере документов, связанных с деятельностью епископа Яблонского или переписки с людьми Костюшки, – Алексу было известно, что агенты русского царя, как и агенты австрийского императора, вольготно чувствовали себя в Англии, которая была их союзником в войнах с Наполеоном, и могли позволить большее, чем в стране нейтральной. В любом случае грабителями те джентльмены не были – хозяйка гостиницы не могла бы этого не почуять.

Грустно было потерять портфель с такими ценными сердцу бумагами, и потому Алекс, мрачный, как туча, спустился вниз и заявил, что намерен идти в городскую полицию и заявить о краже.

– Не может быть! – Хозяйка была в ужасе, она почти забыла английский язык. – В моей гостинице... вас ограбили, и я их допустила сама! Нет, не ходите, я возьму вам любой ущерб! Сколько у вас украли?

– К сожалению, украли важные и дорогие для меня документы. Ценность их не меряется деньгами.

Впрочем, стоит ли объяснять этой трясущейся женщине, она и так от страха потеряла способность соображать?

– Как они приехали?

– В карете, в черной карете, без герба.

– Разумеется. И карета ждала их?

– Они на ней уехали.

– И вы не разговаривали с кучером?

– Зачем мне это, сеньор? Я сразу поняла, что это плохие люди.

Может, она ничего не поняла и спокойно провела время на кухне, а может быть, и на самом деле чутьем эмигрантки ощутила, что пришла опасность и лучше не высовывать своего массивного носа на лестницу и не слушать, как там идет обыск в комнате постояльца.

– И никто их не видел?

– Нет.

Какого черта им портфель? Совершенно ничего для них там нет.

Забегая вперед, можно сказать, что портфель найдется, но только через несколько дней после отплытия «Глории». Его подкинут в правление Компании, и вскоре он ляжет на стол Уиттли. К тому времени сэр Джордж уже будет знать об обыске в комнате штурмана и сделает нужные для себя выводы. И ничего не станет предпринимать.

История с Дороти закончилась куда драматичнее и неприятнее, чем простой обыск.

Вечером того дня, когда штурман Фредро узнал об обыске, она поздно возвращалась домой. До отплытия «Глории» оставалось всего два дня, и Регина находилась в состоянии постоянного возбуждения и даже обиды на окружающих, которые не могли понять, насколько ей плохо и трудно в такие минуты, как она не может собрать все, что нужно, а окружающие только мешают. Регина Уиттли не кричала на служанок и плотников, которые сколачивали ящики, на грузчиков и сапожников – она не позволяла себе опуститься до крика, но ненависть ее была столь велика, что при взгляде на нее очередной жертве становилось понятно: ее вот-вот заклюют. Фарфоровые глаза лишь отражали холодный свет смутного дня, клюв, нацеленный на сердце, хищно приоткрывался, а пальцы с длинными ухоженными ноготками казались смертельными когтями.

– Долой! – шипела она. – Долой с моих глаз!

Жертва неслась прочь, но через некоторое время Мартин, который отвечал перед господином, чтобы Регина все же успела погрузиться на «Глорию» и не натворила глупостей, возвращал раскаявшуюся, уничтоженную жертву и снова кидал ее в водоворот сборов.

Конечно, Дороти приходилось хуже многих, потому что она была неплохой шляпницей, но имела мало опыта в прочих портняжных делах и потому, чтобы не попасть впросак, была вынуждена обращаться за помощью и советом к другим служанкам, которые далеко не всегда ее жаловали – некоторые из них хотели бы занять ее место на корабле, хотя и не имели к тому никаких оснований и способностей. Так что Мартину несколько раз приходилось спасать девушку как от гнева хозяйки, так и от зависти товарок.

Домой Дороти возвращалась уже в темноте, хотя в апреле темнеет поздно, а надо понимать, что путь от Вест-Энда до Воксхолла, а оттуда к Темзе не короток. Дороти брела с трудом, тем более что от долгой ходьбы разболелась еще не зажившая толком нога. И Дороти находилась в том свойственном любому уставшему до смерти человеку настроении, когда ты глубоко раскаиваешься в том, что ввязался в какую-то историю, не несущую ничего, кроме подобных же бед в будущем.

Народу на больших улицах было еще немало, фонарщики лишь зажигали фонари, но когда Дороти свернула в узкий переулок, ведущий вниз к реке, то сразу стало темно от тесно сошедшихся старых домов, и свет в окнах, тусклый и лишь обозначенный на фасадах, не освещал улицы, а лишь подчеркивал ее темноту.

Идти приходилось осторожно, чтобы не угодить в грязную воду или помои, которые выливали в окно, не опасаясь

штрафа.

Ближе к реке, когда уже можно было ощутить запах медленно текущей и нечистой воды, ведь Темза была сточной канавой гигантского города, Дороти пошла быстрее – здесь ей был знаком каждый камень.

Улица была совсем пуста, и поэтому когда она услышала шаги сзади, то сначала даже обрадовалась – по крайней мере она не одна в этом ущелье между рядами домов.

Но через несколько шагов ее радость испарилась, и трудно было бы сказать, что насторожило девушку – то ли старание человека сзади ступать тихо, то ли спешка и шумное дыхание, слышное в промежутках между ударами подошв о камни, то ли угроза, повисшая в воздухе.

Прихрамывая, Дороти поспешила вперед – только бы добежать до узкого поворота в ее переулок, до поворота, уже видного отсюда, потому что там за тремя вязами, уже распустившими маленькие длинные листочки, стоит пивная, паб, который сейчас открыт и многолюден, а каждый второй в нем знает Дороти и не даст ее в обиду.

Но добежать до угла она не успела, потому что неожиданно увидела, что у ствола вяза стоит человек – силуэт его был четко виден на фоне Темзы, к которой отсюда шел крутой склон. Вода отражала свет звезд и, главное, еще не погасший свет заката. Так что неподвижный человек в цилиндре и длинном сюртуке, с тростью в руке был виден, как фигурка в кукольном театре теней. Четко и словно вырезано из кар-

тона.

Но Дороти отлично понимала, что это не кукла, что человек сзади гонит ее к человеку в цилиндре так же, как загонщики гонят лису на цепь стрелков, – об этом рассказывал отец.

И все же Дороти ничего не оставалось, как идти вперед, вернее, бежать в руки охотнику, потому что тот, кто сзади, был невидим, он был лишь тяжелым дыханием и тяжелыми шагами, он был страшнее. Ей показалось, что она сможет ускользнуть от человека в цилиндре или как-то закричать оттуда, от угла, в надежде на то, что ее крик донесется до паба или до маминых ушей, таинственным образом слышавшей порой голос дочери за несколько миль.

А когда отец умер, видно, вскрикнув перед смертью, она зарыдала, забилась и потеряла сознание, хотя, конечно, не могла услышать его предсмертного крика – он погиб в кентском лесу, а Мэри-Энн уже тогда жила в этом доме. Между ними было миль пятьдесят, не меньше.

Дороти бежала к человеку в цилиндре и не могла закричать, как во сне – ты тонешь, надо позвать на помощь, мама рядом, только открой рот, но слова не получаются, звуки не рождаются в глотке...

– Стой! – прохрипел преследователь. – Стой, куда ты?

Человек в цилиндре, взглядывавшийся в темноту переулка, сделал шаг вперед и раскинул руки, чтобы не упустить Дороти.

И тогда Дороти – все равно уже не было времени думать и соображать – помчалась, набирая скорость, на человека в цилиндре, словно намереваясь сбить его с ног, и шаги сзади сразу отстали. Она была вся насторожена, как дикое животное. Вся – слух и зрение...

Она врезалась в человека с тростью – цилиндр в сторону. Он не ожидал, что жертва сама нападет на него, это было нарушением правил! Девице положено с тихим визгом нестись обратно, прямо в лапы преследователя.

Растерянность была мгновенной, но она позволила Дороти, движения которой были безнадежно скованы длинными, до земли, юбками, рвануться за ствол вяза, словно она играла с преследователем в пятнашки. Он направо – она направо, он налево... а где же второй?

И его волосатая толстая рука вылетела из темноты – навстречу. Дороти кинулась назад, оттолкнувшись обеими руками от ствола. У нее было лишь два преимущества – молодость и гибкость. Они были сильнее – и могли догнать ее в чистом поле... Но, как мышонок, ускользящий между рук на дне сундука, Дороти металась у поворота и даже умудрилась вырваться – на несколько секунд. Тогда она кинулась к огням паба, фонарю, освещающему медные буквы «Золотой лев».

Но преследователь догнал, вцепился в рукав платья, рванул на себя, к счастью, материя затрещала по шву, рукав остался в пальцах преследователя, но от рывка Дороти раз-

вернуло, и она увидела на мгновение второго врага, того, кто тяжело топал за ней по переулку... И ей показалось, что к ним присоединился и третий, маленького роста, скрытый раньше в тени домов...

Больше Дороти не глядела назад. Она бежала к фонарю, но, как назло, никто не выходил из паба и не входил в него. И Дороти знала, какой густой шум и табачный дым царят там, внутри, за толстыми стенами – на улице может произойти сражение, но никто внутри его не услышит.

Снова сзади вцепилась в нее рука.

– Да стой ты! – проскрипел задыхающийся голос... И Дороти попыталась упасть, чтобы таким образом вырваться, впрочем, делала она это неосознанно – не думала ни о чем, только бы убежать! – Ах! – вскрикнул человек сзади.

Хватка ослабла, будто он споткнулся и вынужден был ради того, чтобы удержать равновесие, выпустить добычу.

И это дало возможность Дороти домчаться, подобрав юбки выше пояса, до паба, но не до двери – некогда было. Она замолотила в маленькое, забранное косой решеткой окно так, что чуть не разбила его.

Она не слышала, что происходит сзади, и не смела обернуться. Ударив несколько раз кулаком в окно, она кинулась к двери.

А тут дверь как раз открылась, но сначала вышел совсем пьяный зеленщик Робертс, а за ним плелся его хромой сын Пол. А вот за ними, почуяв неладное, услышав стук, выле-

тел известный всей улице и всей набережной Сэмми Грант, мулат из Вест-Индии, отставной сержант с черной повязкой через черное лицо, знаменитый канонир времен войны с янки. Делать Гранту было нечего, он весь день проводил в пабе или других подобных местах, и у него был сказочный нюх на драки, потасовки и всевозможные приключения.

А человек, посвятивший себя дракам и так и не ставший взрослым к пятидесяти годам, умеет мгновенно разобраться в ситуации и понять, на чьей стороне драться выгодно или почетно.

– Дороти! – взревел он. – Кто тебя обижает?

И в этот момент Дороти умудрилась спрятаться за зеленщика и захлебывающимся голосом прохрипеть:

– Там! Вон там!

В этот момент один из преследователей ворвался в круг света, нарисованный фонарем на мостовой у входа в паб. Он был в черном сюртуке, цилиндр потерялся, а прямые черные волосы прижались к голове, смазанные душистым маслом. Он увидел Дороти и закричал:

– Держите ее! Это преступница!

И тогда наступил светлый момент для Сэмми.

– Дороти? – вежливо спросил он. – Преступница?

– С дороги, черномазый! – зарычал преследователь.

А вот этого говорить совсем не следовало. Сэмми сказал друзьям, уже высыпавшим на шум из паба:

– Только не вмешиваться. Я вас умоляю всем святым!

– Понимаем, Сэмми, – сказал зеленщик. – Как не понять. Считай, что он твой!

И тогда Сэмми врезал преследователю в подбородок кулаком размером с арбуз.

Противник оказался крепче, чем многие подозревали, и вытащил из-за пояса пистолет.

Это взбесило законопослушного Сэмми. Он не выносил, если кто-то вытаскивал пистолет.

В следующее мгновение пистолет улетел куда-то далеко, к Темзе, звякнув о камень, а затем плеснув водой. И еще один удар послал этого человека в нокаут, как говорят боксеры.

– Дороти, пошли отсюда, – попросил горбатый фокусник Фан. Насколько Дороти видела, он из паба не выходил, а прибежал откуда-то со стороны. – Я тебя провожу домой, – сказал он.

– Фан прав, – сказал кто-то из толпы соседей. – Нечего тебе здесь делать.

Фан потянул Дороти за руку прочь от драки, он говорил что-то, но у Дороти звенело в ушах, и она не разбирала слов.

– А где второй? – спросила Дороти.

– Кто они? – Рука у Фана жесткая и большая, вообще руки словно достались ему от другого, куда более крупного человека. Когда горбун шел, пальцы почти касались земли. – Они больше тебя не тронут, – сказал фокусник. – Я точно знаю. Они ненавидят, когда их раскрывают.

– Ну хоть объясни что-нибудь, Фан!

– Вот дойдем до дому, и расскажу.

Фокусника хорошо знали на набережной. Он выступал на перекрестках, и ребятам не надоедало выпрашивать у матерей пенсы, чтобы кидать их ловкому горбуну. И он нравился именно ребятам, потому что был так мал ростом, словно не вырос из мальчиков. И даже узкая, жидкая, из нескольких волосков, но длинная черная борода не переубеждала – она была маскарадом. Каждый понимал, что Фан притворяется, и только когда ты подрастешь, а Фан останется таким же, как был, ты начинаешь сомневаться, зачем он здесь, почему он такой и почему не хочет стареть. В общем, он был глуп – никто в том не сомневался – и к тому же азиат, чуть ли не индус вонючий. Но когда привыкнешь к человеку, то не так воняет.

Фан потащил Дороти за руку по улице прочь от толпы, окружившей человека в черном, и тут их неожиданно догнал далекий крик:

– Эй, сюда, здесь еще один лежит!

– Человека убили! – откликнулся второй голос.

– Ты слышал? – спросила, задыхаясь, Дороти.

– Не останавливайся, тебе надо скорее домой.

– Что там за человек?

– Ты его убила?

– Я никого не убивала. Они на меня напали, а я убегала.

Почему они на меня напали?

– Наверное, насильники, – сказал Фан. – Или воры.

Он поднялся на две ступеньки, ведущие к узкому дому

миссис Форест, и начал колотить молотком по медному щитку. Издалека сзади доносились голоса. Фан нервничал, торопился, и, когда миссис Форест открыла дверь, он, так и не отпустив цепкой руки Дороти, втащил девушку в прихожую. Мэри-Энн встретила их с керосиновой лампой в руке – вечером прихожую не освещали.

– Фан? Что с тобой? – Она, конечно же, знала Фана, он нередко приходил к Форестам.

И тут Мэри-Энн увидела дочь. По ее растерзанному виду она поняла, что с дочкой опять приключилась беда, и потащила ее в гостиную, где Майкл, который готовил уроки, радостно приветствовал старшую сестру:

– Опять подралась, да?

И Дороти стало смешно. Она прижала к себе черноволосую голову брата и сказала:

– Я дралась с двумя драконами сразу, но спас меня Фан.

– Да скажите мне, в конце концов, – закричала Мэри-Энн, – что произошло? Почему?

– Теперь слушай меня внимательно, – сказал Фан. Он говорил по-английски смешно, с акцентом, и Дороти знала, что он мог бы говорить с матерью по-бирмански или по-лигонски, но предпочитал английский, полагая почему-то, что в Англии никто не должен знать, откуда он родом. Это было наивно, потому что в Англии наверняка были люди, знавшие, что Фана привез много лет назад один из компанейских дельцов именно как удивительного фокусника, полагая, что

сможет неплохо зарабатывать, показывая уродца-фокусника по ярмаркам. Но из этого ничего не вышло, и Фан то ли сбегал, то ли откупился от своего хозяина. Вернуться домой Фан не смог и остался в Лондоне. Жил он бедно, не очень утруждая себя работой, доставал откуда-то и курил опиум, все думали, что он китаец, а он был из Лигона, вассального княжества Авы. По крайней мере так говорила Дороти мать.

– Слушай меня, – сказал он Мэри-Энн, – я у тебя давно сижу, чай пьем.

– Ты только что пришел.

– Глупая женщина, я давно сижу, целый час сижу!

Дороти поняла.

– Когда я сейчас пришла, мне дверь Фан открыл.

– Как же так! – Мэри-Энн не сдавалась. – Полицейские спросят у паба, и там скажут, что Фан тебя встречал, что я его послала тебя встретить.

– Когда полицейские сюда придут, – ответил Фан, – то они ни одного свидетеля не найдут. В этом я уверен. Все уже по домам пошли, сегодня паб раньше закрылся, а его хозяин Артур вообще носа на улицу не высовывал. Очень простуженный.

– Простуженный? – удивилась Мэри-Энн. – Ты откуда знаешь?

– Потому что у него с утра зуб болит.

– Какой еще зуб?

– В коленке, – сказал сообразительный Майкл. – Ты что,

не знаешь разве, как у нас здесь полицию любят? – Сообразительный мальчик закрыл тетрадь. – А что на самом деле было?

– На самом деле ничего не было. Так что собирай, Мэри-Энн, на стол.

Они сидели за столом, пили чай, когда пришли двое полицейских. Одного из них Дороти знала, он всегда ходил в этих местах, знал всех, и его все знали.

Этот полицейский по фамилии Браун, медленный, низколобый, одетый похоже на тех, кто преследовал Дороти, но все же не так – у полицейских была единая одежда и особого рода высокие шляпы, спросил от двери, отклоняя голову от лампы, которую держала Мэри-Энн.

– Это на вашу дочку, миссис Форест, напали?

– Да, а вы откуда об этом знаете?

– В таких случаях послушный горожанин должен обращаться в полицию, а не прятаться дома и не пить чай.

– Хотите чаю, сержант Браун?

– Не говори глупостей, я нахожусь при исполнении служебных обязанностей.

– Так, может, ваш спутник разделит с нами трапезу?

– Где твоя Дороти?

– В комнате.

– Мне надо поговорить с ней.

Браун вошел в комнату, там сразу стало тесно. Садиться он не стал. Его спутник выглядывал через плечо.

– Значит, на вашу девочку напали? – спросил Браун.

– Да, – сказала Дороти, опередив остальных. – На меня напали. Хорошо, что я успела до паба добежать. Там меня мужчины встретили.

– Какие мужчины? – спросил полицейский из-за спины Брауна. Браун наморщил низкий лоб – он был недоволен, он-то знал, что ответа на этот вопрос быть не может. Мало ли кто были джентльмены, которые встретили Дороти.

– А кто на тебя напал? – спросил Браун.

– Там было темно, – сказала девушка, – а я так перепугалась. Поставьте себя на мое место, сэр.

– Мне трудно это сделать, – сказал второй полицейский. – Но, наверное, ты кого-то узнала у дверей паба.

– Не узнала она никого, – отмахнулся Браун. – Откуда ей. А ты, Фан, давно пришел?

– Моя давно пришла. Давным-давно, – быстро ответил горбун. – Сижу, чай пью, тут Дороти прибежала, вся рваная, какая бедная девочка, все ее бьют! Ах, как нехорошо. – Акцент у него был вдесятеро сильнее, чем обычно.

– Давно он пришел? – спросил Браун у Мэри-Энн.

– Наверное, час назад. Или больше.

– Больше, мама, – с невинной рожницей вмешался в разговор юный Майкл. – Еще светло было, как мистер Фан к нам пришел.

– Правильно, – сказал Фан. – Еще совсем светло было. Фонари не зажигали.

– А кто эти люди были? – спросила Дороти. – Вы их поймали?

– А там был не один? – искренне удивился Браун. Но, оказывается, ему в пабе совсем мало рассказали. О том, кто бежал вторым, забыли сказать.

– Их было двое по крайней мере, – сказала Дороти. – Один за мной бежал и гнал на второго. А тот, в цилиндре, стоял у большого вяза и ждал меня.

– И что же было дальше?

– Я так быстро бежала, что успела добежать до паба.

– Не лги! Он бы придушил тебя на пороге.

– Когда я добежала до паба, оттуда вышли несколько человек. Они были пьяные, они пели песни.

– И ты позвала на помощь?

– Я позвала на помощь, – с готовностью согласилась на подсказку Дороти.

– А тот, который бежал за тобой, испугался.

– Не знаю, – сказала Дороти. – Он исчез. Больше я его не видела.

Браун и его напарник потоптались еще в дверях, потом ушли. Так и не сказав, кто был тот человек или люди и что с ними случилось. На прощание Браун велел Форестам, всему семейству, быть осторожными и, если можно, вообще уехать из Лондона. Он не шутил. А Фану сказал, что подозрение с него не снимается. Фан стал спрашивать: подозрение в чем? Но Браун не ответил и сказал, что если фокусник понадо-

бится полиции, его вызовут в участок.

Обо всем остальном они узнали вскоре после того, как ушла полиция. Через несколько минут постучал зеленщик, сын зеленщика, и рассказал, что тот, которого уложил на землю Сэмми, сам поднялся и смотался еще до появления полиции.

Своего напарника он не звал и не искал, и никто не сказал ему, что напарник лежит зарезанный ярдах в пятидесяти от него, в нише между двумя домами. Его-то и нашла полиция – ее вызвали, как только нашли тело. Никто не знает, кто зарезал того, тяжелого, с одышкой. Никто из тех, кто был в пабе, этого не сделал. И не мог сделать – все были на виду друг у друга.

Дороти трясло. Так бывает – перепугаешься, а страх приходит позже.

Мать велела ей идти спать, но Фан сказал, что ему нужно с Дороти поговорить. Ведь она послезавтра отплывает.

Мэри-Энн сказала, что после этого приключения, вернее всего, Дороти не возьмут в Ост-Индию. А заберут в полицию.

– Нет, – уверенно ответил Фан, – никто не подумает, что Дороти могла зарезать здорового и вооруженного мужчину. И кому нужна ваша Дороти?

– Вот это меня и пугает. – Мэри-Энн посмотрела на горбуна со значением, Дороти перехватила взгляд, но не поняла. – Будем надеяться на лучшее. Нам ведь очень нужно, чтобы

Дороти все же отплыла на «Глории».

Тут Мэри-Энн стала отправлять Майкла спать, а тот сопротивлялся, ему было интересно, о чем будут разговаривать взрослые. К тому же рядом с их домом произошло убийство... Мать дала слово Майклу, что его возьмут на проводы Дороти и даже сама Мэри-Энн попросит взять его на борт и посмотреть, в какой каюте будет плыть Дороти.

Наконец Майкл подчинился.

– Осталось еще одно дело. Из-за него я к вам сегодня и пришел, – сказал Фан.

– Вы шли к нам по делу? – В голосе Дороти прозвучало разочарование.

– Ты хотела бы, чтобы все было иначе?

– Разумеется. Я хотела бы, чтобы вы меня защищали, дядя Фан, – сказала Дороти. – А оказывается, что все произошло случайно.

– Давай тогда встретимся на полдороге, – ответил горбатый фокусник. – Считай, что я шел по делу, но заодно решил встретиться тебя и проводить незаметно, потому что боялся опасности для тебя.

– Вы подозревали?

– Да.

– Значит, вы могли знать, кто они такие?

– Я мог подозревать, – сказал Фан.

– А мне можно знать?

– Нет. Потому что...

– Никаких потому что! – вмешалась Мэри-Энн. – Фан боится, что некто в Ост-Индской компании не хочет, чтобы ты была на «Глории».

– Я? Я кому-то могу помешать?

– Если им есть что скрывать на борту «Глории», то они замышляют недоброе против Рангуна, против королевства Ава.

– Но я-то при чем?

– В твоих жилах течет кровь благородных лигонцев, подданных королевства Авского. И как говорится, чем черт не шутит...

– Конечно, это маловероятно, – вмешался Фан. – Это только мое подозрение. Я хотел передать с тобой письмо одному человеку в Рангуне. Просто передать. Моему родственнику. Но теперь я боюсь.

– Нет, вы не бойтесь, дядя Фан, – сказала Дороти. – Вы мне не доверяете?

– У меня нет выхода, – спокойно ответил Фан. Он не стал спорить с девушкой. – И если чужой прочтет письмо, он ничего не поймет.

– Где письмо? – спросила Дороти.

– Тебе его не надо видеть, – ответил горбун. – Чем ты меньше знаешь, тем меньше сможешь рассказать. Мать зашьет письмо в твою ночную юбку.

– В полосатую, – добавила Мэри-Энн.

– Мать сказала это, чтобы ты пореже надевала ее и не

вздумала ее стирать, – сказал горбун.

Все засмеялись.

Дороти спросила:

– А на чем будет написано письмо?

– На тряпочке, конечно же, на тряпочке – что же еще можно вшить в край ночной рубашки? И если будешь тонуть...

– Не смей! – Мэри-Энн кинулась на Фана с кулаками. – Ты что, сглазить хочешь?

Горбун отскочил в угол.

Мэри-Энн принесла рубашку, нитку, иголку и принялась вшивать в край тонкую тряпочку с несколькими короткими словами.

– А кому я ее отдам? – спросила Дороти.

– Это тебе придется запомнить. Сейчас мы с тобой выучим, а перед отплытием мать повторит. Хорошо?

– Говорите.

– Запомни: пагода Шведагон. Шве-да-гон. В Рангуне. На восточном склоне холма, на котором выстроена пагода, есть монастырь Священного зуба Будды. В монастыре найдешь настоятеля, его зовут У Дхаммапада. Ему ты передашь письмо и ответишь на все его вопросы.

– Я должна это сделать, мама? – спросила Дороти.

Мэри-Энн кивнула не сразу. Она поняла Дороти. Та росла англичанкой в английской семье. Хоть мать и выучила ее лигонскому и бирманскому языкам. Передать письмо какому-то монаху в каком-то иноземном монастыре? Она же ан-

глийская девушка...

– Прости, так надо, – ответила наконец Мэри-Энн. – Это важное письмо и полезное для хороших людей.

Перед тем как уйти, горбун некоторое время стоял возле окна, выходявшего на улицу.

Потом все же не решился выйти через переднюю дверь, и мать проводила его через кухню. Дороти догнала его и спросила:

– А может так быть, что за мной гнались из-за этого письма?

– О письме они, к счастью, не знают, – ответил Фан. – Иначе бы...

– Значит, это твои враги, дядя Фан?

– Они враги твои и мои и всех добрых людей, – ответил старый фокусник и исчез за дверью.

Дороти хотела узнать больше у матери, но та отмалчивалась, а потом принялась плакать. И Дороти начала плакать, они обнялись и, наплакавшись, заснули на диване в передней комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.